

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХС.

1893.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	3
--	---

А. И. Бирничниковъ. Декоузъ на востоки и западъ и его литературныя параллели	1
М. В. Безобразова. Записка о Дюптрѣ	27
А. И. Соболевскій. Одно изъ рѣдкихъ явленій славянской фонетики.	48
А. Н. Грень. Династія Ваграгидовъ въ Арменіи	52

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Квг. А. Лѣвѣ. Русская библиографія о Коменскомъ	140
В. Н. Палаузовъ. Новыя труды въ области учебной литературы по русскому уголовному процессу	147
Э. Л. Радловъ. Кн. <i>Великій Трубицкой</i> . Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Часть I. Міросозерданіе блаженнаго Августина. Москва. 1892.	169
Б. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). А. Н. Гиларова. Кіевъ. 1893.	184
— Книжныя новости	191
Н. И. Макаровъ. Еще кое-что о черченіи	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ	1
— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1891 году	31
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго	66

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. И. Петръ. Вновь открытыя памятники античной музыки (<i>окончаніе</i>).	33
Вал. В. Майковъ. Четыре эпитиміи Пиндара въ честь Герона Опракускаго и Этнейскаго (<i>окончаніе</i>)	55
А. Ф. Эрманъ. Эпиграма и Эллины	61
Вал. В. Майковъ. Эпитиміи Пиндара въ честь Аресоннаго Киринскаго	94

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го ноября).

„ЭЛЛАДА“ И „ЭЛЛИНЫ“.

Имена Эллада и эллины дороги всему образованному міру, а въ глазахъ каждаго любителя классической древности они окружены такимъ ореоломъ, что, думаемъ, не мало найдется людей, интересующихся вопросомъ, откуда произошло это имя и что выражало оно въ первоначальномъ своемъ видѣ. Извѣстно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой рѣчи, въ Илиадѣ и Одиссеѣ, слово Ἕλληνας хотя и встрѣчается, но не въ значеніи, придаваемомъ ему въ послѣдствіи, какъ названію цѣлаго народа. У Гомера есть другія имена, имѣющія такое болѣе широкое значеніе. Совокупность войскъ и племенъ, отправившихся въ походъ противъ Трои, называется аргосцами или данайцами, а всего чаще ахейцами. Мы, однако, не можемъ сказать утвердительно, чтобы одно изъ этихъ именъ имѣло всеобъемлющее значеніе, равносильное позднѣйшему — эллины. По подлинному разказу Илиады, въ войско ахейцевъ входили далеко не всѣ греческія государства и племена. Въ послѣдствіи же, начиная съ младшаго эпоса, такъ называемаго киклическаго, всѣ греки добивались чести участія ихъ предковъ въ столь прославленномъ походѣ. Поэтому уже въ такъ называемомъ каталогѣ кораблей, вставленномъ въ подлинную Илиаду, а сочиненномъ уже съ помощью младшаго эпоса, мы видимъ, что кругъ участниковъ, то-есть, ахейцевъ, аргосцевъ или данайцевъ, расширенъ почти на всю Грецію. Какого мы ни держались бы мнѣнія о происхожденіи вышней Илиады и Одиссея, одно несомнѣнно, что и та, и другая собою представляютъ пересказъ болѣе древнихъ сказаній. Авторъ заимствовалъ три традиціонныя названія участвовавшихъ въ походѣ войскъ, по всей вѣроятности, у своихъ предшественниковъ. Первоначальный смыслъ терминовъ, отъ времени, быть можетъ, уже нѣсколько затененный, естественно, подвергся

известному перетолкованію. Кроме того, уже то, что грекамъ передъ Троею попеременно даются три названія, а не одно, служить вѣскимъ доказательствомъ отсутствія одного установившагося имени. Мы здѣсь еще не беремся рѣшить, что собственно разумѣлось подъ ахейцами, аргосцами и данайцами; достаточно того, что сказанія Гомера, не даютъ намъ права утверждать, будто имени эллины во время Гомера предшествовало другое, подобное же общее наименованіе греческаго народа. Всего вѣроятнѣе напротивъ, что въ то время у грековъ никакого такого имени еще не было. Въ этомъ смыслѣ рѣшительно высказался и Нисе въ известномъ своемъ сочиненіи о развитіи Гомеровской поэзіи (стр. 215), въ противоположность общему мнѣнію, распространенному уже среди древнихъ ученыхъ и повторяемому многими изъ современныхъ. Отсутствие у грековъ въ древнѣйшія времена общаго всенароднаго имени само по себѣ очень вѣроятно уже потому, что и у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ до известнаго времени не было такихъ именъ.

Въ слѣдующія послѣ Гомера столѣтія уже устанавливается употребленіе имени Ἕλληνας, однако не сразу. Ему предшествовало другое выраженіе, Πανέλληνας, всеэллины. Этотъ отгѣнокъ заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе. Выраженіе Πανέλληνας въ первый разъ встрѣчается въ каталогѣ кораблей, гдѣ, по примѣру другихъ пѣсенъ Илиады, просто эллинами названы жители одной, вѣроятно небольшой, области, принадлежавшей къ южной Θεσσαλίᾳ. Эта Эллада, „славная женъ красотою“, является входящей въ составъ владѣній Пилея и Ахилла, фтійскаго царства. Затѣмъ Πανέλληνας упомянуты въ стихотвореніяхъ Гесиода и древнѣйшаго іонійскаго лирика Архилоха¹⁾.

¹⁾ О Панэллинахъ см. В 530 Αἴας—ἔρχεται δ' ἐπέεσσι Πανέλληνας καὶ Ἀχαιοὺς; Страбонъ VIII 370 Ἠεῖοδον μέντοι καὶ Ἀρχίλοχον ἤδη εἶδέναι καὶ Ἕλληνας λεγομένους τοὺς σὺμπαντας καὶ Πανέλληνας, τὸν μὲν περὶ τῶν Προϊτιδῶν λέγοντα ὡς Πανέλληνας ἐμνηστῆσαν αὐτάς, τὸν δὲ ὡς Πανελλήνων οἴους ἐς Θάσον συνείραμεν. Нисе Die Entwicklung der Homerischen Poesie стр. 215: Dieser Name scheint den Uebergang zu den Hellenen im späteren Sinne zu bilden. — Объ Элладѣ, подвластной Ахиллу см.:

В 681 Νῦν αὖ τοὺς δασοὶ τὸ Παλαστικὸν Ἄργος ἰναῖον,
οἳ τ' Ἄλον υἱ τ' Ἀλόπην οἳ τε Τρηχίῳ ἐνέμοντο,
οἳ τ' εἶχον Φθίην ἢδ' Ἑλλάδα καλλιγόναικα,
Μυρμιδόνες δὲ καλεῦντο καὶ Ἕλληνας καὶ Ἀχαιοί,
τῶν αὖ πεντήκοντα νεῶν ἦν ἀρχὸς Ἀχιλλεύς.

I 393 Ἦν γάρ δὲ με σώσει θεοὶ καὶ οἴκαδ' ἵκμαί,
Πηλεὸς θῆν μοι ἔπειτα γυναῖκα γαμέσσεια αὐτός.

Спустя уже около двухъ столѣтій, въ прозаической литературѣ, возникшей въ концѣ нестараго столѣтія въ Іоніи, выраженіе Πανελλήνως замѣнено простымъ Ἑλληνες, какъ видно, получившимъ уже полное право гражданства. Изъ этого позволительно вывести заключеніе, что имя Элины долгое время, по крайней мѣрѣ нѣсколько столѣтій, употреблялось въ двухъ значеніяхъ. Оно обозначало одновременно и извѣстную часть или извѣстныя части греческаго народа, въ отличіе отъ другихъ частей, и въ болѣе широкомъ смыслѣ весь народъ, отличающійся такимъ образомъ грековъ отъ другихъ націй. Въ послѣднемъ значеніи для большей точности и во избѣжаніе недоразумѣній говорилось Πανελλήνως, всеэлины. Подобное явленіе въ сущности еще до сихъ поръ можно замѣтить и у славянъ. Два племени въ Австріи и Венгріи называютъ себя словянами и словаками, каковымъ спеціальнымъ именемъ они отличаютъ себя не только, подобно остальнымъ славянамъ, отъ неславянскихъ сосѣдей, но и отъ соплеменниковъ другаго, наименованія, на примѣръ, чеховъ, поляковъ, хорватовъ, своихъ славянскихъ или всеславянскихъ братьевъ. Итакъ, кто задастся вопросомъ, какимъ образомъ имя элины получило свое позднѣйшее значеніе, долженъ придти къ заключенію, что элинами сначала назывались греки по частямъ, а поднѣе всѣ, при чемъ переходъ отъ частнаго значенія къ общему совершался постепенно, въ силу какихъ то особыхъ географическихъ или историческихъ условій. Въ общемъ съ этимъ согласны всѣ занимавшіеся нашимъ вопросомъ ученые. Остается найти ту мѣстность частнаго примѣненія и тѣ условія, которыя могли благоприятствовать обобщенію, относительно чего, понятно, значительно расходятся мнѣнія толкователей. Эта именно темная часть вопроса будетъ служить предметомъ и нашего разсужденія.

- πολλοὶ Ἀχαιοὶ εἰσὶν ἀν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε,
 κοῦραι ἀριστῶν, οἳ τε κτολίσθηρα ῥύονται.
 τᾶων ἦν κ' ἐθέλωμι φίλην ποιήσομαι ἄκοιτιν
 λ 494 εἰπέ δέ μοι, Πηλῆος ἀμύμονος εἴ τι πέπυσσαι,
 ἦ ἔτ' ἔχει τιμὴν πόλειςιν μετὰ Μυρμιδόνεσσιν,
 ἦ μιν ἀτιμάζουσιν ἀν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε.
 I 447 οἶον δτε πρῶτον λίπον Ἑλλάδα καλλιγύναικα,
 φεῶγων νεῖκα πατρὸς Ἀμύντορος Ὀρμενίδαο.
 I 478 φεῶγον ἔπειτ' ἀπάνευθε δι' Ἑλλάδος εὐρυχόροιο,
 Φθίην δ' ἐξικόμην ἐριβόλακα, μητέρα μῆλων,
 ἐς Πηλῆα ἀναχθ'. ὁ δέ με πρόσφρων ὑπέδεατο
 II 595 Χάλκωνος φίλον οἶον, ὅς Ἑλλάδι οἰκία ναίων
 ὄλβη τε πλοῦτεψ τε μετέπρακε Μυρμιδόνεσσιν.

Для опредѣленія исходной точки, откуда пошло всенародное названіе эллины, необходимо взвѣсить нѣсколько возможностей, такъ какъ Эллада и равносмысленныя ей имена приурочены были не къ одной только мѣстности, а къ нѣсколькимъ. Мы уже упомянули объ Элладѣ ессалийской въ Илиадѣ. Въ той-же поэмѣ говорится о селлахъ или эллахъ (Σελλοί, Ἐλλοί), обитателяхъ Додоны, позднѣе еще называемой Ἐλλα или Ἐλλοκία. Названіе Эллионіи, далѣе, носили или весь островъ Еввіа, или извѣстная часть (Ἐλλοκίη μοῖρη) области города Ἰστίανα или Ἐρεός, а кромѣ того еще мѣстность ессалийскихъ долоповъ. Ἐλλοκίον былъ городъ въ Этоліи¹⁾. Прибавимъ еще ἡ μεγάλη Ἑλλάς, названіе южной Италіи, и званіе Ἑλλανοδίκας, судья эллиновъ, должностное лицо элейскаго союза, упомянутое въ очень древнихъ надписяхъ, найденныхъ въ Олимпіи. Наконецъ, укажемъ еще на немного темное показаніе Геродота (I 56) о тождествѣ эллиновъ и дорянъ. Такое множество мѣстностей, къ которымъ приурочено было особое названіе Эллады, не можетъ не служить намъ серьезнымъ предостереженіемъ противъ поспѣшнаго и односторонняго опредѣленія. Очень возможно, что распространеніе имени по всей Греціи не исходило даже ни отъ одной изъ нихъ, а еще отъ какой-то мѣстной Эллады,

¹⁾ О Селлахъ: II 233 Ζεὸς ἄνα, Δωδωναίη, Πελασγικῆ, τηλόθι ναίων,

Δωθώνης μετέων δυσχειμέρου. ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ
σοὶ ναίουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαρμαιῶναί.

сл. схолии и Страв. VII 328 πόττερον δὲ χρῆ λέγειν Ἑλλοὺς, ὡς Πίνδαρος, ἢ Σελλοὺς ὡς ὑπονοοῦσι παρ' Ὀμήρῳ καίεσθαι, ἢ γραφῇ ἀμφίβολος οὕσα οὐκ εἴη διαχωρίζεσθαι. Φιλόχορος δὲ φησι καὶ τὸν περὶ Δωθώνην τόπον, ὡς περ τὴν Εὐβοίαν, Ἐλλοκίαν κληθῆναι, καὶ γὰρ Ἡσίοδος οὕτω λέγειν „ἔστι τις Ἐλλοκίη. πολυλήϊος ἢ δ' εὐλαίμων. ἔνθα δὲ Δωθώνη τις ἐν ἰσχατιῇ πεπόλιστα“. οἴονται δὲ, φησὶν ὁ Ἀπολλόδοτος, ἀπὸ τῶν ἑλῶν τῶν περὶ τὸ ἱερόν οὕτω καλεῖσθαι τὸν μέντοι ποιητὴν οὐχ οὕτω λέγειν Ἑλλοὺς, ἀλλὰ Σελλοὺς ὑπολαμβάνει τοὺς περὶ τὸ ἱερόν. Другое названіе Додоны у Исихія Ἐλλά (Ἐλλα?)—Διὸς ἱερόν ἐν Δωθώνη. Додонскихъ Ἐλλοί соединялъ съ древнѣйшемъ Элладою Аристотель Метеор. I 14 ὁ καλούμενος ἐπὶ Δευκαλίωνος κατακλισμός—περὶ τὸν Ἑλληνικὸν ἐγένετο μάλιστα τόπον, καὶ τούτου περὶ τὴν Ἑλλάδα τὴν ἀρχαίαν. αὕτη δ' ἔστιν ἢ περὶ Δωθώνην καὶ τὸν Ἀχελῶν· οὗτος γὰρ κολλαχοῦ τὸ βεῖμα μεταβέβληκεν. φησὺν γὰρ οἱ Σελλοὶ ἐνταῦθα καὶ οἱ καλούμενοι τότε μὲν Γραικοί, νῦν δ' Ἑλληνας, сл. схох. Φ 194 ἡ ἀρχαιοτάτη Ἑλλάς περὶ Δωθώνην καὶ Σελλοὺς ἔκειτο, Исихія Ἐλλοί, Ἑλληνας οἱ ἐν Δωθώνη καὶ οἱ ἱερεῖς.—Относительно Ἐλλοκία, какъ названія всей Еввіи, см. выше цитату изъ Филохора у Страв. VII 328; его же X 445 ἡ νῆσος—καὶ Ἐλλοκία δ' ἀνομάσθη, а дальше τὴν Ἐλλοκίαν—χωρίον ἐν τῇ Ὀρειᾷ καλουμένη, τῆς Ἰστιατικῆς πρὸς τῇ Τελεθρίῳ ὄρει. Герод. VIII 23 ἀπρόμνητοι δὲ τὴν πόλιν τῶν Ἰστιαίων, καὶ τῆς Ἐλλοκίης μοίρης. Эллионія у Θεσνίи и въ Долоνίи, а также Этолийскій городъ Ἐλλοκίον, упоминаются Стефаномъ Византийскимъ.

о которой я помину нѣтъ въ дошедшемъ до насъ довольно отрывочномъ литературномъ преданіи. Древніе историки, у которыхъ Гомеръ пользовался громаднымъ авторитетомъ какъ источникъ историческихъ свѣдѣній, не долго думалъ, выводили общую Элладу изъ одноименной небольшой области Оессалии, какъ единственной, упомянутой въ Иліадѣ. Другіе еще допускали, тоже на основаніи Иліады и упомянутыхъ въ ней *Ἐλλοί* или *Ἐλλοί*, что древнѣйшею Элладою была Додона. Современная классическая филологія здѣсь, какъ и во множествѣ подобныхъ вопросовъ, въ общемъ продолжаетъ держаться въ рамкѣ, разъ начертанной древними. Уваженіе къ преданію, къ переданнымъ намъ непреложнымъ фактамъ, конечно одинъ изъ первыхъ признаковъ научности. Но это безусловное уваженіе не должно распространяться и на такія данныя, которыя, хотя сообщаются намъ въ видѣ фактовъ, однако на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ догадки древнихъ ученыхъ. Такими догадками, понятно, въ особенности изобилуетъ преданіе о древнѣйшей исторіи Греціи. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что тысячи подобныхъ догадокъ цѣликомъ основаны на такихъ методическихъ приемахъ, какіе едва ли взялся бы защищать кто нибудь изъ нашихъ филологовъ. Неправильность методики какъ нельзя замѣтнѣе отозвалась и на нашемъ предметѣ. О происхожденіи именъ странъ, племенъ, народовъ, городовъ и т. д. у древнихъ установилась наивная теорія, что каждое такое имя происходило отъ сходнаго имени какой-то эпонимной личности. Другимъ, не менѣе излюбленнымъ, приемомъ древніе пользовались каждый разъ, когда приходилось объяснить причину повторенія одного и того-же имени въ разныхъ мѣстностяхъ. Не долго разсуждая, ученые по догадкѣ устанавливали историческую причину повторенія сходнаго имени. Всего чаще они прибѣгали къ предположенію доисторическихъ переселеній, при чемъ переселенцы будто-бы переносили въ новыя мѣста имена прежнихъ мѣстъ жительства. Если и на самомъ дѣлѣ иногда бывали примѣры подобнаго перенесенія именъ, изъ этого еще не слѣдуетъ общее правило. У насъ поморы или поморяне, напримѣръ, живутъ на берегахъ Сѣвернаго моря и Чернаго, они-же жили и на прибрежьи Балтійскаго моря. Намъ конечно не пришло бы въ голову между ними установить какую-нибудь прямую историческую связь, потому что мы сразу понимаемъ, что поморяне жители приморскіе и, слѣдовательно, могутъ встрѣчаться у каждаго славянскаго моря. Изъ одного этого примѣра видно, что причина повторенія одной и той-же номенклатуры можетъ заключаться просто въ одинаковыхъ мѣстныхъ, бы-

товых или исторических условіяхъ, вызвавшихъ и одинаковое наименованіе. Древніе ученые, а за ними слѣдуютъ и современные филологи въ большинствѣ случаевъ не доходили до этой простой истины. Если бы спросить у любого изъ древнихъ историковъ о поморьянахъ, онъ вѣроятно отвѣтилъ бы, что на гиперборейскомъ морѣ, во время оно, жилъ царь Поморъ (Πομόρος), сынъ Борея. Подвластный ему народъ по его имени сталъ называться поморами. Черезъ нѣсколько времени, по поводу моровой язвы, сильнаго голода, напора непріятелей или тому подобной причины, они обратились къ оракуду и получили повелѣніе одной половиной выселиться изъ страны. Сѣли они на корабли и поплыли, одна часть въ Балтійское море, другая въ Черное, гдѣ до сихъ поръ и живутъ. Мы остановились на этомъ примѣрѣ потому, что и вопросъ о распространеніи Эллады и эллиновъ рѣшался въ томъ же духѣ. Въ Додонѣ поселился человекъ Ἐλλος и народъ его сталъ именоваться Ἐλλοί; элли затѣмъ двинулись въ Фессалію и т. д. Или: у Девкалиона послѣ потопа родился сынъ Эллинъ, который сталъ жить въ южной Фессаліи, въ прозванной по нему Элладѣ, а царствовалъ онъ тутъ надъ эллинами. Сынъ же его и внуки Іонъ, Доръ и Ахей переселились въ другія области и распространили тамъ, какъ свои имена, такъ и имя общаго отца Эллина. Это разсужденіе, съ точки зрѣнія древнихъ, не удивительно, удивительно только то, что остовъ его стоитъ понынѣ и устойчиво держится почти во всей современной литературѣ. Понятно, выкинуты теперь Эллинъ съ семействомъ, а общій ходъ перенесенія имени Эллады остался тотъ-же. Около Додоны жилъ маленькій народецъ Эллинскій, выгнанный оттуда какими-то непріятелями, на примѣръ иллірійцами: онъ перебрался отчасти въ южную Фессалію, вторую Элладу, отчасти въ Еввійскую Эллопію и т. д. Во всѣхъ современныхъ вариантахъ этого мнимисторическаго происшествія, жъ сожалѣнію, остался недостаточно освѣщеннымъ одинъ пунктъ, именно самый важный: какимъ образомъ имя Эллада могло распространиться на всѣ греческія племена. Немыслимо же, чтобы додонскіе или фессалійскіе эллины въ короткій промежутокъ отъ Гомера до Гесіода разбрелись по всѣмъ концамъ и уголкамъ греческаго міра. Тутъ уже обязательно требуется помощь какого-нибудь deus ex machina, спеціальнаго распространителя въ родѣ Іона, Дора и Ахея. Дѣйствительно, мы видимъ, эта роль передается у одного историка, Бузольта, дорійскому племени, у другаго—фессалійскимъ эолійцамъ, у третьяго (Виламовица-Меллендорфа)—доисторическому населенію Пелопоннуса. Никто, однако, не объясняетъ намъ, какая

историческая сила могла бы заставить всё другія племена принять названіе, свойственное одному изъ нихъ. Никто не думалъ подкрѣпить свою догадку хотя бы одною только историческою аналогіею. Примѣры подобаго обобщенія имени одного племени между тѣмъ очень нерѣдки. Мы позволяемъ себѣ поэтому немного остановиться на нихъ. Всѣ примѣры происхожденія названія цѣлаго народа отъ имени одного племени сводятся къ двумъ категоріямъ. Въ первомъ случаѣ дѣйствующимъ факторомъ является политическій перевѣсъ или власть одного племени надъ другими. Такъ, напримѣръ, жители цѣлаго міра считали честью носить имя гражданъ одного города Рима. Римскіе галлы присвоили названіе господствовавшихъ надъ ними франковъ. Пруссакіи въ силу завоеванія или присоединенія навязали свое имя самымъ различнымъ нѣмецкимъ племенамъ. Въ другомъ случаѣ обобщеніе племеннаго названія происходитъ отъ чужаго народа. Послѣдній переноситъ имя племени, съ которымъ онъ первоначально столкнулся, также и на всё остальные племена этого же народа. Такъ, напримѣръ, французы до сихъ поръ восточныхъ своихъ сосѣдей называютъ алеманнами. Предки французовъ, если вѣрить Тациту, подобнымъ образомъ имя германцевъ отъ племени тунгровъ перенесли на всё зарейпскія племена. Италію сначала называлась одна только южная оконечность полуострова, близкая къ Сициліи, а потомъ весь полуостровъ. Греки у всѣхъ восточныхъ народовъ до Индіи и Египта, вѣроятно, обозначались именемъ іонянъ.

Спрашивается теперь: подходит ли одинъ изъ этихъ двухъ примѣровъ къ нашему вопросу. Очевидно, что нѣтъ. Никогда ни одно изъ греческихъ племенъ, ни іоняне, ни доряне, ни конечно какіе-то додонскіе или южноэссалійскіе эллины не имѣли никакого рѣшительнаго перевѣса, никакой власти надъ остальными племенами. Съ другой стороны, обобщеніе имени эллины не могло быть дѣломъ сосѣдняго чужаго народа; оно, безъ всякаго сомнѣнія, родилось у самихъ грековъ. Подводя такимъ образомъ итоги своему разсужденію, мы полагаемъ, что всѣ попытки объяснить происхожденіе національнаго названія древнихъ грековъ лишены и необходимой общенсторической подкладки, и логической послѣдовательности.

Приступая теперь къ изложенію своего собственнаго мнѣнія, мы считаемъ не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ объ общихъ историческихъ условіяхъ, благодаря которымъ у другихъ народовъ образовалось національное имя. Какъ древнѣйшіе греки, такъ и всѣ другіе европейскіе народы, до извѣстнаго времени обходились безъ

такихъ именъ. Возникновеніе ихъ вездѣ является продуктомъ одного и того-же могучаго фактора. Этотъ факторъ—столкновеніе съ другимъ народомъ, уже вполне сплотившимся и сознательно чувствующимъ свое національное единство: или наименованіе, если оно чужое, исходить отъ такого чужаго народа, или же, если оно не заимствовано, оно образовалось въ сосѣдствѣ чужаго народа. Поэтому мы и видимъ, что очагомъ наименованія обыкновенно бываетъ окраина, или своя, или чужая. Славянское имя впервые появилось на окраинахъ славянскаго міра, на югѣ за Дунаемъ, на чужой, римской землѣ, на западной, германской окраинѣ и на сѣверѣ у новгородцевъ, въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ. Тевтонское имя впервые носила толпа, сплоченная изъ разныхъ германскихъ племенъ, съ цѣлью завоеванія нахлынувшая на римскія границы. Имя Италія распространилось отъ оконечности полуострова, противолежащей греческой Сициліи. Германцами назывались сначала пограничныя племена, перешедшія черезъ Рейнъ, за рубежъ кельтской земли. Если имѣть въ виду такое множество аналогичныхъ примѣровъ, почти необходимо предположить, что и эллинское имя получило свое общее значеніе на такой окраинѣ греческаго міра, гдѣ произошло столкновеніе съ какимъ-то чужимъ государствомъ. Такою окраиною была Малая Азія, древнѣйшее и важнѣйшее завоеваніе греческаго народа. Тамъ въ восьмомъ столѣтіи образовалось могущественное лидійское государство. При дружномъ отраженіи варваровъ тутъ всего скорѣе могло народиться греческое самосознаніе. На этомъ побережьи встрѣтились и смѣшались выселенцы разныхъ племенъ родины, а вслѣдствіе того и могло развиться сознаніе общей народности. Наконецъ мы видѣли, что дѣйствительно терминъ Πανελληνες, древнѣйшее выраженіе всеэллинской общности, исходилъ отъ малоазійской поэзіи, а послѣдовавшее за нимъ широкое значеніе именъ Эллада и эллины впервые является уже вполне сформировавшимся въ іонической прозѣ. Преобладаніемъ и громаднымъ вліяніемъ литературы азіатскихъ грековъ на европейскихъ какъ нельзя лучше объяснялось бы быстрое распространеніе новаго имени на весь греческій міръ. Считаая такимъ образомъ самымъ пригоднымъ выходомъ изъ всѣхъ затрудненій предполагаемое нами возникновеніе имени эллины, какъ общенароднаго въ азіатской Греціи, необходимо правда предположить, что оно уже служило особымъ мѣстнымъ названіемъ между прочими и этой части греческой земли ¹⁾. Тутъ мыѣ

¹⁾ Въ пользу нашего предположенія, что подъ эллинами когда-то понимали обитателей малоазійскихъ колоній, можетъ говорить и то, что имя Эллада приу-

однако могутъ возразить вопросомъ, отчего въ стихотвореніяхъ Гомера, сочиненныхъ въ самой Малой Азіи, пѣть ни малѣйшаго намека на подобное ея названіе. На это есть простой отвѣтъ: Иліада не могла называться эллинами греческихъ поселенцевъ Малой Азіи потому, что

рочено было также и во второй большой колоніальной странѣ грековъ, южной Италиі. Не легко конечно отгадать, по какой причинѣ эта Эллада получила званіе великой. Римскіе ученые объясняли это тѣмъ, что тутъ было больше греческихъ жителей, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ и даже въ самой Греціи. Это однако положительно невѣрно: и въ Греціи, и въ Малой Азіи, а можетъ быть даже въ Сициліи ихъ было гораздо больше. Эд. Мейеръ, отказавшись отъ толкованія древнихъ, высказавъ догадку, что основатели ахейскихъ городовъ Италиі происходили изъ фригійской Ахеи, называемой у Гомера Элладою. Новую страну они назвали великою въ противоположность къ небольшой родной области. Ничѣмъ однако не доказано, чтобъ Ахея — метрополія кротоніатовъ, сибаритовъ и т. д. была Тессалійская, а не Пелопоннесская Ахея, никогда спеціально не называемая Элладою. Ниссенъ (*Italische Landeskunde* стр. 59) названіе „Великой Эллады“ объясняетъ хвастовствомъ разбогатѣвшихъ сибаритовъ, кротоніатовъ и т. д. предъ убогою старою Греціею. „Великая Эллада“ собственно не могла быть сравниваема съ Греціею уже потому, что эта послѣдняя сравнительно поздно получила названіе Эллады. Всего вѣроятнѣе, „Великой Элладѣ“ въ самой близости соответствовала какая-то „Малая“. Въ книгѣ Бытинъ (10, 4) между островитянами-язычниками, потомками Іавана, встрѣчается и имя Елиса. Имена трехъ остальныхъ Фаресъ, Киттимъ (Кипръ) и Роданимъ (Родосъ) указываетъ, что и Елиса островъ, близко знакомый финнікіянамъ. Новѣйшіе толкователи, опираясь на таргумъ къ Іезекілю: страна въ Италиі, и глоссу у Синкелла: Ἐλισσα, ἐξ οὗ Σικελία, въ этомъ островѣ признаютъ Сицилію. Едва ли кто-нибудь согласится съ Леви, въ *Jahrb. für Philologie* 1892 стр. 177 усматривающимъ въ Елисѣ греческое Ἠλόσιον—будто-бы плодородность Сициліи породила идею о странѣ блаженныхъ. За то, можетъ быть, найдутъ возможнымъ, что въ Елисѣ—Сициліи скрывается неточная или немного искаженная транскрипція слова Ἠλλάς. Она служила бы какъ нельзя лучшимъ дополненіемъ къ сосѣдней Μεγάλη Ἠλίς. Общій признакъ этихъ трехъ областей: Италиі, Сициліи и малоазійскаго побережья, что всѣ онѣ окраины греческаго міра. Приписывая распространеніе имени эллины особенно малоазійскимъ грекамъ, мы этимъ, конечно, не отрицаемъ, что распространенію могли способствовать и западные эллины. Противъ нашего предположенія о малоазійской Элладѣ высказано было замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ восточные народы малоазійскихъ грековъ называли бы эллинами, а не іоніанами. Но предположеніе оказавшееся имени Ἰάφους, объяснилось, можетъ быть, совершенно определенною причиною; чтобы судить о ней, необходимо узнать, во первыхъ, значеніе самаго слова Ἰάφους, вторыхъ, который изъ восточныхъ народовъ первый грековъ называлъ Іавана. Если это были лидяне, ближайшіе сосѣди іонянъ, то обобщеніе этого племеннаго имени столь же понятно, какъ, напримѣръ, обобщеніе племеннаго названія алеманны со стороны французовъ. Какъ имя алеманны изъ Франціи перешла и къ испанцамъ, такъ же и названіе іоніане легко могло передаваться другимъ на-

въ ней нигдѣ и не говорится о нихъ. Молчаніе поэта о колонизаціи Малой Азіи можно объяснить двояко. Авторъ Иліады или жилъ еще до переселенія грековъ, или онъ умышленно умолчалъ о немъ, считая поселеніе фактомъ, не состоявшимся еще въ тѣ времена, про которыя онъ повѣствовалъ. Умалчиваніе объ азиатскихъ эллинахъ составляло бы необходимую принадлежность историческаго колорита. Эта вторая возможность тѣмъ вѣрнѣе, что поэтъ въ самомъ дѣлѣ неоднократно намекаетъ, что дѣйствующіе въ его сказаніяхъ лица люди давно прошедшихъ временъ. Никто, кажется, изъ современныхъ ученыхъ не сомнѣвается, что поэтъ самъ уже жилъ въ Малой Азіи. Однимъ словомъ, молчаніе Гомера объ азиатской Элладѣ не можетъ служить аргументомъ въ пользу того, что не было таковой въ его время. Если

родамъ востока. На основаніи нашихъ источниковъ мы, въ сожалѣнію, не можемъ доказать, что широкое значеніе имени Іавана возникло именно въ Лидіи. Древнѣйшіе источники наши, египетскія надписи, упоминаютъ Іавана въ числѣ союзниковъ царей геттитовъ. Таковую же роль, наемныхъ или вспомогательныхъ войскъ, греки продолжали исполнять и въ другихъ восточныхъ царствахъ, въ Ассирійскомъ, Вавилонскомъ, Египетскомъ и Персидскомъ. Воины навѣрное принадлежали не къ однимъ іонянамъ, но и къ другимъ племенамъ. Очень можетъ быть, что и слово Іавана, обозначая грековъ всѣхъ племенъ, прямо относилось къ тому роду услугъ, благодаря которымъ они стали извѣстны всѣмъ народамъ востока. Слово *ἰάφους*, *Ἰάφου* прекрасно производится отъ осн. *уав*—*уѣ* „отражать, помогать“ (см. *скр.* *уи уавате*, защищать, лат. *iuvare*), значеніе *iuvantes*, *auxiliares* какъ разъ подошло бы къ роду ихъ службы. Имя *Ἰάω* носилъ дельфійскій герой, который въ извѣстной легендѣ являлся слугою бога. Подобные герои, тѣсно связанные съ Аполлономъ, признавались и во многихъ другихъ культахъ. Въ одной кипрской святынѣ, по показанію надписей, такой геройскій сподвижникъ Аполлона названъ *ἰάων* „помощникъ“, къ которому и присосѣдился дельфійскаго Іона (*ἰάφου*). Возможно, что и племенное имя іонянъ не прямо связано съ восточными Іавана. Жители двѣнадцати городовъ, образовавшіе союзъ на основаніи взаимной помощи, другъ друга, по нашему мнѣнію, звали „вспомогателями“ (сл. *Ἀρχάδες* отъ *ἀρχέω* помогать).

Предполагаемое нами происхожденіе имени эллиновъ въ Малой Азіи и переходъ его оттуда въ европейскую Грецію находятъ себѣ полную аналогію въ ходѣ развитія названій важнѣйшихъ греческихъ племенъ. Имена іонянъ, эолийцевъ, а по всей вѣроятности, также и доріанъ возникли за моремъ, на островахъ и берегахъ Малой Азіи. Оттуда каждое изъ нихъ перешло на соплеменниковъ въ Европѣ. Геродоту (I 149) еще извѣстны были двѣнадцать *Ἀιολέων πόλεις αἱ ἀρχαῖαι*: на материкѣ Малой Азіи. Впоследствии къ эолийцамъ причислены были жители Лесбоса, а наконецъ Віотіи и Фессаліи. Имя *Ἰάφους* уже въ одномъ, вѣроятно вставленномъ, мѣстѣ Иліады (N 685) перенесено на Аѳинянъ. Объ этомъ и о расширеніи имени доріанъ трактуется въ замѣчательной статьѣ Белоха „О дорійскомъ переселеніи“ въ *Rhein. Museum* т. 45 стр. 559 сл.

предположить напротивъ, что и до, и послѣ Гомера долгое время подъ эллинами разумѣлись преимущественно греки, выселившіеся изъ Греціи въ Малую Азію вообще, то-есть и эолийцы, и іоняне, и доряне, то отъ такого предположенія пролилось бы, думаемъ, достаточно свѣта на нѣкоторыя темныя стороны нашего вопроса. Стало бы понятнымъ, отчего обитатели европейской Греціи, ополчившіеся на Трою, названы не эллинами, а другими именами. Еслибъ эллинами сначала назывались всѣ греческіе колонисты Малой Азіи въ противоположность къ оставшимся на родинѣ, то это общее имя поселенцевъ—грековъ съ другой стороны и могло служить общимъ отличіемъ ихъ отъ туземцевъ, окружающихъ иноязычныхъ, варварскихъ народовъ. Пробудившееся на окраинѣ національное самосознаніе, вмѣстѣ съ именемъ, со временемъ распространилось и на соплеменниковъ на родинѣ, чему, вѣроятно, способствовало преобладающее до V вѣка вліяніе азіатско-греческой литературы.

Изъ частныхъ Эллада всего больше вниманія на себя обращала Эллада подвластная Пилею и Ахиллу. Она упомянута въ четырехъ мѣстахъ Илиады и разъ въ Одиссеѣ. Изъ этихъ пяти разъ только въ одномъ мѣстѣ II 595 Эллада названа отдѣльно, въ другихъ же четырехъ вмѣстѣ съ Фтією. В 683 перечисляется войско Ахилла *εἰ τ' εἶχον Φθίην ἤδ' Ἑλλάδα καλλιγόναια*, *Μυρμιδόνες δὲ καλεῖντο καὶ Ἕλληνας καὶ Ἀχαιοί*. I 393 Ахиллъ говоритъ, что отецъ его поженить дома, тамъ *πολλὰ Ἀχαιῖδες εἰσὶν ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε*, *κοῦραι ἀριστήων, οἳ τε πτολίεθρα ῥύονται*. I 478 Финникъ разказываетъ, какъ онъ оставилъ *Ἑλλάδα καλλιγόναια* и, бѣжавъ черезъ всю Элладу (*δι' Ἑλλάδος εὐροχόρου*), прибылъ во Фтію къ царю Пилею. Царь его одарилъ большимъ богатствомъ и пожаловалъ его княженіемъ надъ долинами, на окраинѣ Фтіи. Наконецъ N 494 Ахиллъ справляется у Одиссея, чтятъ-ли Пилея или нѣтъ въ городахъ мирмидоновъ *ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε*. Только II 595 упоминается Эллада безъ Фтіи, о ней говорится, какъ о мѣстѣ жительства одного изъ мирмидоновъ. Царство Пилея и Ахилла, какъ видно, представляется состоящимъ изъ двухъ частей, Фтіи и Эллады. Обѣ области другъ съ другомъ граничатъ. Мирмидоны живутъ въ обѣихъ; кромѣ нихъ обитателями являются ахейцы и эллины. Послѣдніе конечно жители Эллады, для ахейцевъ, по видимому, остается вторая половина царства, Фтія. Дѣйствительно, въ историческое время Фтіотида (Фθιώτις или Фθιῆτις), южная часть Фессалии другимъ именемъ называлась — Ахеєю, а жители ея ахейцами. Это почти единственная точка совпаденія темной

географіи мирмидонскаго царства съ настоящею историческою. Извѣстно, что географія эпоса вообще состоитъ изъ смѣси дѣйствительности съ вымысломъ. Дѣйствіе многихъ мифологическихъ сказаній, по всей вѣроятности, подобно нашимъ сказкамъ, первоначально происходило въ какихъ-то неопредѣленныхъ сказочныхъ мѣстностяхъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ. Со временемъ и слушатели, и поэты дѣлались просвѣщеннѣе и, смущаясь наивною беззаботностью прежнихъ вѣковъ, стали требовательнѣе относиться къ географической точности. Началось безконечное дѣло сглаживанія географіи, прилаживанія ея къ дѣйствительной. Это стараніе уже замѣтно, какъ у самого Гомера, такъ и въ особенности у представителей младшаго эпоса, оно достигло апогея въ трудахъ Аполлодора и другихъ александрійскихъ и пергамскихъ ученыхъ. Работу эту въ общемъ нельзя назвать особенно успѣшною. Топографія Греціи и сосѣднихъ странъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась въ сказаніяхъ древнихъ поэтовъ, очень значительно отличалась отъ топографіи историческаго времени, въ точности извѣстной не ранѣе какъ съ начала пятаго вѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій со времёнъ Гомера многое конечно могло измѣниться, а вѣроятно и измѣнилось, особенно въ номенклатурѣ областей и городовъ. Опредѣленіе прежнихъ именъ, при отсутствіи историческихъ памятниковъ древнѣе пятаго или шестаго столѣтія, носило на себѣ характеръ довольно сбивчиваго гаданія. Считаая притомъ Гомера болѣе или менѣе достовѣрнымъ историкомъ и географомъ, ученые толкователи его часто совершенно неправильно относились къ особенностямъ поэтическаго повѣствованія. Многія имена, отношеніе которыхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ не подлежало никакому сомнѣнію, въ родѣ напримѣръ: *Ποδὸς* вм. *Δελφῶς* или *Ὀρθοῦν* вм. *Διόσος*, вѣроятно, никогда не употреблялись въ живой рѣчи, а созданы были потребностью возвышеннаго поэтическаго слога. Многія другія сначала не относились ни къ какимъ дѣйствительнымъ мѣстностямъ, обозначая неопредѣленные сказочныя мѣста. Тѣмъ не менѣе и они впослѣдствіи тѣмъ или другимъ путемъ были приурочены къ дѣйствительной топографіи, какъ напримѣръ: *Σχερίη*, *Αἰαίη*, *Ἐγροῦν* и пр. Къ недоумѣніямъ, вызываемымъ мифическою географіею, можно прибавить еще одно, на правильную оцѣнку котораго еще до сихъ поръ мало обращено вниманія. Типичный примѣръ слѣдующій: въ четырехъ мѣстахъ *Иліады* и *Одиссеи* употребляется выраженіе *τῆλόθεν ἔξ ἀπίης γαίης*. Древніе толкователи сомнѣвались, слѣдуетъ ли понимать *ἀπίη* въ смыслѣ имени собственнаго или

нарицательного. Въ языкѣ историческаго вѣка такого нарицательнаго имени не имѣлось, поэтому въ 'Ακίη признавали имя собственное, „древнее имя“ Пелопонниса. Повѣйшіе толкователи, наоборотъ, въ словѣ ἄλιος усматриваютъ древнее имя нарицательное, имя прилагательное, производное отъ предлога ἀπό, какъ ἀντίος произведено отъ ἀντί. Если перевести ἐξ ἀκίης γαίης „изъ дальшой страны“, то Пелопоннисъ древнихъ авторовъ сразу превратится въ какую-то совершенно неопредѣленную мѣстность. Современное толкованіе основано на томъ вѣрномъ соображеніи, что въ старинномъ эпическомъ говорѣ не мало такихъ словъ, какихъ уже не было въ словарѣ послѣдующихъ литературныхъ періодовъ. Поэтъ Иліады и Одиссеи на нѣсколько столѣтій былъ древнѣе всѣхъ другихъ греческихъ писателей, а онъ самъ уже, безъ сомнѣнія, унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ множество употребительныхъ съ давнихъ временъ поэтическихъ оборотовъ.

Много словъ эпическихъ, непонятныхъ по причинѣ старины, такъ называемыхъ γλῶσσαι, объяснено только въ повѣйшее время, благодаря успѣхамъ современной лингвистики. Къ такимъ же остаткамъ старины, но всей вѣроятности, можно причислить также не мало словъ, которыми искони обозначались мѣста дѣйствія извѣстныхъ мифическихъ событій. Вопросъ о толкованіи мѣстности ἀκίη γαίη, въ своемъ родѣ типиченъ и для другихъ мифологическихъ странъ, острововъ и т. п. Въ виду того, что всѣ имена собственныя до извѣстнаго времени еще были нарицательными, опредѣленіе между тѣми и другими. твердой границы становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ древнѣе преданіе. Мифологическое преданіе грековъ доходить до очень древнихъ временъ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ основѣ многихъ сказаній лежитъ еще ясное пониманіе старинныхъ именъ боговъ и героевъ. Между тѣмъ значеніе этихъ именъ вполне затемнено и забыто уже въ ранній періодъ развитія греческаго языка. То-же самое замѣчается и въ отношеніи именъ мифическихъ мѣстностей. Большинство географическихъ именъ, не считая конечно тѣхъ, которыя производны отъ другихъ именъ собственныхъ, допускало или допускаетъ два толкованія: одно дословное, относящееся къ цѣлому роду одинаковыхъ мѣстъ, и другое присвоенное опредѣленнымъ мѣстамъ, выдѣленнымъ изъ своего рода. Имена, напримѣръ, Новгородъ, "Νεαρος, Вург и др. могли примѣняться къ каждому новому городу, матеріку, замку. Въ специальномъ же примѣненіи, въ качествѣ именъ собственныхъ, они относятся только къ извѣстному новому

городу, материку, замку. Въ указанныхъ примѣрахъ путаницы отъ всякаго смысла не можетъ произойти потому, что въ языкѣ еще живо чувствуется разница употребленія. У большей части древнихъ именъ осталось только одна примѣнимость къ одному или немногимъ мѣстамъ, вслѣдствіе того, что общее значеніе ихъ пришло въ полное забвеніе. Въ такихъ старинныхъ преданіяхъ, каково мифологическое творчество грековъ, легко могло случиться, что мнимое имя собственное еще употреблено въ болѣе широкомъ дословномъ смыслѣ, то-есть, въ значеніи имени нарицательнаго. При постепенной передачѣ сказаній это должно было служить источникомъ многихъ недоразумѣній и перетолкованій. Сравненіе индоевропейскихъ языковъ, при помощи которыхъ до извѣстной степени дополняются наши свѣдѣнія о доисторическомъ словарѣ греческаго языка, содѣйствуетъ и тутъ распутыванію. Укажемъ только на нѣсколько примѣровъ. Не мало мифовъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣютъ мѣстомъ дѣйствія Крѣтъ, то-есть, по общему толкованію древнихъ, островъ Критъ. Слово κρήτη, безъ сомнѣнія, древнее причастіе отъ глагольной основы κερ-(κείρω) отрѣзать. Подъ Κρήτη, то-есть, γαίη специально понимали извѣстную страну, моремъ отрѣзанную отъ Эллады. Но κρήτη γαίη, secreta terra, могла называться и любая страна, отрѣзанная или отлученная отъ остальнаго міра. Царемъ Крита въ мифахъ является Миносъ, онъ-же властвуетъ надъ усопшими, въ царствѣ смерти. Судя по имени, онъ просто alter ego Плутона, такъ какъ Πλοῦτων (умножитель) кат' ἐμφημιερὸν то же самое, что Μίνω (уменьшитель, minuens, ср. μινός, μινύω, μίνουθα, μείων). Также и имя царицы Крита Περσεφάσσα близко подходитъ къ имени царицы страны мертвыхъ Персефона. Увозъ Европы (темной?) въ Κρήτη очень напоминаетъ собою увозъ Персефоны въ подземное царство. Двусмысленность выраженія Κρήτη довольно ясна; она наводитъ на мысль, что подъ странюю отрѣзанной, отлученной въ мифахъ, собственно, разумѣлась между прочимъ страна усопшихъ, мѣсто которой потомъ заступилъ островъ Критъ. Въ Одиссеѣ (о 404) упомянута страна Ὀρτυγία, гдѣ солнце совершаетъ свои повороты (ὄθι τροκαὶ ἡελίου). Ортигія было однимъ изъ поэтическихъ названій Дилоса, но Ортигія Гомера, лежащая на краю міра, понятно, не подходитъ къ этому близкому острову. Выручить изъ затрудненія насъ можетъ только разборъ имени. Слово βροτῆς, санскритское varṭukas, производится отъ индоевропейской глагольной основы wert—„вертѣть, вертѣться“. По одному поэтическому преданію, островъ Дилосъ когда-то кружился въ морѣ, почему и названъ былъ Ὀρτυγία, странюю круженія. Исно что та-

кой-же смысл подходит и къ Ὀρτυίη, гдѣ совершаются повороты солнца. При разборѣ значенія оказывается, что и въ этомъ случаѣ одно и то же имя относилось то къ опредѣленному острову, то къ совершенно неопредѣленной, воображаемой мѣстности. По эпическимъ сказаніямъ Ахиллъ спрятался на островъ Скиросъ (Σκῆρος), туда-же спасся и другой герой, Одисей. Въ Лоидахъ судъ надъ человѣкомъ, спрятавшимся отъ правосудія, зывался ἐν Σκῆρῳ δίκη. Тройская роль Скироса какъ мѣста, куда прятались, вѣроятно объясняется общимъ смысломъ слова σκῆρος. Изъ данныхъ сравненія языковъ оказывается, что самое слово это обозначало мѣсто, куда скрываются, „защита, убѣжище“¹⁾. Острову Σκῆρος дано это названіе, вѣроятно, потому, что онъ долгое время, до пятого столѣтія, служилъ убѣжищемъ для морскихъ разбойниковъ. Намъ думается, что эпическое σκῆρος еще имѣло значеніе имени нарицательнаго, не собственнаго, а аеиняне съ Кимонемъ, отыскавъ на островѣ Скиросѣ останки Одисея, сдѣлались жертвой одного простительнаго недоразумѣнія. Увеличить число примѣровъ было бы не трудно. Приведенныхъ однако, смѣемъ думать, достаточно будетъ для разъясненія нашей мысли, что въ именахъ мнѣологическихъ мѣстностей нерѣдко переживало первоначальное значеніе нарицательнаго имени. Правильное объясненіе значенія—дѣло этимологіи, а поэтому полагаемъ, что какъ здѣсь, такъ и во множествѣ подобнаго рода вопросовъ примѣненіе къ дѣлу этимологіи имени должно оказаться важнымъ подспорьемъ для рѣшенія проблемъ древнѣйшей исторіи Греціи и Рима²⁾.

¹⁾ Фигъ I 566: ἀγενο, покрывать, скр. vku vkupati: покрывать, гр. σκῆρος, ἐπισκῆπιον, лат. scutum scutra obscurus, нѣм. Schauer Scheuer, Scheune.

²⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ въ свою защиту. Стараніе мое привлечь къ критическому изученію древнѣйшей исторіи между прочимъ и данныя этимологіи именъ собственныхъ встрѣтило неодобрительный отзывъ со стороны моего почтеннаго рецензента, профессора Ю. А. Кулаковскаго (Филолог. Обозр. III, Обзоръ книгъ стр. 90). Отмѣчая у меня какое-то пристрастіе къ этимологіямъ и этимологизаціи (?), которое врядъ ли можетъ списать мнѣ сочувствіе въ рядахъ филологовъ и историковъ, онъ жалѣетъ, что я не внялъ доброжелательному совѣту другаго рецензента, профессора Эллинскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1888 годъ). Въ первомъ пылу новаго для меня дѣла, девять лѣтъ тому назадъ, я выпустилъ рядъ совершенно неудовлетворительныхъ и неудачныхъ этимологическихъ догадокъ, строгое осужденіе которыхъ со стороны профессора Эллинскаго и другихъ рецензентовъ я нахожу болѣе чѣмъ справедливымъ. Несправедливо и неумѣстно за то, мнѣ кажется, примѣненіе мною этимологическихъ данныхъ приписывать какому-

Мы остановились на воображаемомъ царствѣ Эакидовъ, состоящемъ у Гомера изъ Фтіи и Эллады. Фтія въ каталогѣ кораблей приблизительно равняется одной части Фтіотиды историческаго времени, положеніе же Эллады нигдѣ ближе не указано, а въ исторической пе-

то суетному пристрастію. Г. Зѣлинскій, критикуя предложенные мною отвѣты, не входилъ въ провѣрку формулировки поставленныхъ мною-же вопросовъ. Вѣрнѣйшимъ признакомъ чужаго происхожденія восточныхъ божествъ, принятыхъ въ греческую и римскую религію, служатъ ихъ иностранныя имена. Такъ, если задаться вопросомъ, иностраннаго ли происхожденія Афродита, Киниръ, Іакинвъ и др., то какъ-же упустить изъ виду одинъ изъ важнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ критеріевъ, этимологическое опредѣленіе именъ? Убѣжденіе, что большая часть греческихъ острововъ и береговъ въ доисторическія времена была населена финнікіянами, прямо основано на производствѣ немалого числа географическихъ именъ отъ семитскихъ корней словъ. Мыслима ли провѣрка теоріи о финнікійскихъ колоніяхъ, не прибѣгая къ этимологіямъ этихъ-же именъ? Г. Кулаковскій ошибается, воображая, что заниматься или не заниматься именами собственными, въ связи съ вопросами древнѣйшей исторіи, можетъ зависѣть отъ чего либо добраго желанія или доброжелательныхъ совѣтовъ. Если эти занятія становятся необходимымъ требованіемъ методики и если отъ нихъ можно ожидать пользы для рѣшенія темныхъ попросовъ, то, по нашему мнѣнію, и необходимо заниматься ими, все равно, удобно ли или неудобно это для историковъ и филологовъ, въ настоящее время, правда, обыкновенно не занимающихся и не интересующихся именами собственными. Если я въ послѣднихъ своихъ трудахъ не только не избѣгалъ, но даже искалъ такихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ необходимо этимологическій разборъ именъ собственныхъ, то это кажущееся пристрастіе оправдывается господствующимъ невниманіемъ. Непривычка брать во вниманіе имена собственные въ глазахъ многихъ филологовъ, а также, думаю, моихъ почтенныхъ рецензентовъ чуть-ли не превратилась въ какое-то законное право, защищать которое считается обязанностью истиннаго классика. По словамъ г. Зѣлинскаго, правда, имена собственные составляютъ богатѣйшую сокровищницу драгоцѣнныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію только ключъ къ ней потеряны. Поэтому онъ и совѣтуетъ не думать объ открываніи ея. Внимать такому совѣту невозможно уже въ интересахъ науки, да и простой логики. Коли есть богатая сокровищница, ключъ которой затерянъ, разумно, по моему, всѣми силами отыскивать его, а не успокаиваться, ничего для этого не сдѣлавъ. Приговоръ г. Зѣлинскаго былъ бы вѣренъ, еслибъ формулировать его такъ: ключъ потеряны для филологовъ, разъ навсегда рѣшившихъ не выходить за предѣлы своей спеціальной науки. Для этого необходимо игнорировать результаты сравненія индоевропейскихъ языковъ, благодаря которымъ на самомъ дѣлѣ освѣтилось уже не мало тѣхъ старинныхъ доисторическихъ словъ, изъ которыхъ составляется словарь греческихъ и латинскихъ именъ собственныхъ. Больше разносторонніе изъ филологовъ-классиковъ поэтому и уповаютъ на услуги языковѣдовъ и готовы вполне предоставить имъ толкованіе именъ собственныхъ. Добрая надежда едва-ли сбудется. Для успѣшнаго веденія дѣла необходимо не только умѣніе справляться съ формальной стороною именъ, но и съ такъ называемою

рiодъ не осталось никакого слѣда ея. Мы не отвергаемъ возможности прежняго ея существованiя, хотя съ другой стороны и нельзя отрицать, что существованiе это за собою не имѣетъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ, кромѣ названнаго памятника миеологическаго творчества.

вещественной. Отъ языковѣдовъ, на попеченiи которыхъ лежитъ формальное изученiе такого множества языковъ и которые—особенно въ нынѣшнее время—надолго заняты самыми сложными грамматическими вопросами, едва ли можно ожидать необходимаго углубленiя въ спеціальныя тайны классическихъ древностей. Если гора не хочетъ придти къ Магомету, то Магометъ пусть подойдетъ къ горѣ. Классической филологiи, какъ наиболѣе заинтересованной части, надлежитъ заботиться о сближенiи двухъ наукъ. Результаты индоевропейской лингвистики доступны всякому въ прекрасныхъ руководствахъ и спеціальныхъ журналахъ. При такихъ пособiяхъ дана всякому возможность ориентироваться и выбирать столько свѣдѣнiй, сколько требуется. Одно пысокомѣрие занятаго спеціалиста можетъ требовать полнаго знанiя всѣхъ языковъ и языковѣдiя. Полное обладанiе двумя спеціальными науками нынѣ стало невозможнымъ; тѣмъ не менѣе истина, что самые плодотворные результаты получаются отъ комбинацiи нѣсколькихъ наукъ, не потеряла еще своей силы. Также и не слѣдуетъ увѣриваться отъ необходимаго дѣла подъ предлогомъ возможности ошибки. Ошибки не только возможны, но въ извѣстныхъ предѣлахъ неизбежны во всякомъ умственномъ трудѣ. При томъ, къ счастью, многи изъ нихъ поправимы. Моя погрѣшности между тѣмъ окончательно убѣдили г. Зѣлинскаго—если оставалось еще въ чемъ убѣждать—въ пустотѣ всякаго этимологическаго мудрствованiя, которое мнѣ и совѣтуютъ бросить. Изъ ошибочности отвѣтствъ однако, какъ мы уже говорили, не слѣдуетъ и невѣрность вопросовъ, которыхъ рецензентъ не коснулся, хотя на нихъ-то я и настаиваю. Вся бѣда легко поправима. Будь совѣтъ г. Зѣлинскаго такой: слѣдуетъ лучше познакомиться съ данными языковѣдiя, напрактиковаться въ трудномъ дѣлѣ этимологическаго угадыванiя и затѣмъ замѣнить неудачныя этимологiи лучшими, то такой совѣтъ былъ-бы и логичнѣе, и цѣлесообразнѣе, а наконецъ и „доброжелательнѣе“ по отношенiю къ наукѣ. Пусть г. Кулаковскiй проститъ меня, что я послѣдовалъ именно послѣднему совѣту. Онъ и убѣдилъ меня не только въ возможности, но и въ необходимости помощи этимологiи именъ для рѣшенiя многихъ вопросовъ древнѣйшей исторiи и тѣсно связанной съ нею миеологiи. Имена собственные и ихъ толкованiе въ древней поэзи и наукѣ сдѣлались прямымъ источникомъ громадной массы вымышленныхъ разказовъ. Каждая малѣйшая попытка критически разобраться въ этой путаницѣ необходимо поведетъ къ сугубой путаницѣ, если критикъ не въ состоянiи себѣ дать яснаго отчета объ этой области научнаго или полунучнаго творчества. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнiю, что громадное большинство именъ божествъ, героевъ, а также народовъ, племенъ, областей, городовъ и т. д. не пустыя слова, но даны съ цѣлью мѣтко обрисовать основныя качества предметовъ. Наша научная цѣль—добраться до первоначальнаго облика, до основныхъ понятiй. Ясно, что имена не только могутъ, но и должны намъ служить руководствомъ для достиженiя этой цѣли. Возможно ли историкъ, серьезно относящемуся къ своему дѣлу, судить, напримѣръ, объ историческомъ

Какъ самъ Ахиллъ, такъ и предки его,—чисто мнѣическія, воображаемыя личности. Это одинъ изъ вѣрнѣйшихъ результатовъ сравнительной мнѣологии. Изъ того, что выдуманы цари, конечно еще не слѣдуетъ, чтобъ непременно было выдумано ихъ царство. Героямъ доставались царства по разнымъ соображеніямъ. Или они годились быть эпонимами какой-то мѣстности, надъ которой-де когда-то царствовали; или они считались родоначальниками какого-то царскаго дома или другаго знатнаго рода; или они въ какой-то мѣстности пользовались религіознымъ поклоненіемъ, показывались тамъ могилы ихъ или другіе памятники мнимаго ихъ прежняго пребыванія и царствованія; или же наконецъ локализанія ихъ въ извѣстной мѣстности совершилась путемъ приурочиванія мнѣическаго жилища къ дѣйствительной географіи. Въ Фессаліи ни одно географическое имя не напоминало собою именъ кого-либо изъ Эакидовъ. Родоначальниками они не признавались ни однимъ изъ знатныхъ фессалійскихъ родовъ, на сколько мы знаемъ, они признавались таковыми только въ царской династіи эпирскихъ молоссовъ. Религіознымъ почитаніемъ Ахиллъ пользовался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пелопоннуса, въ Лаконіи, Элидѣ, затѣмъ въ Іоніи и въ области іонійскихъ колоній Чернаго моря, но ни во Фтіотидѣ, ни вообще въ Фессаліи ¹⁾). Фантастическій разказъ въ романѣ Фило-

значеніи пелазговъ, делеговъ, кавконовъ, мишѣевъ, аттическихъ и дорійскихъ филъ или Кадма, Омсея, Иракла, или римскихъ царей, не обращая должнаго вниманія на ихъ имена, столь знаменательныя и содержащія въ себѣ ихъ истинное значеніе? Помощь этимологіи именъ въ томъ и другомъ случаѣ, для критики псевдо-историческаго вымысла и для опредѣленія перваго значенія, одинаково необходима. Не скрываю своего убѣжденія, что господствующее невниманіе къ этимологіи именъ одна изъ причинъ, почему изученіе мнѣологии и древнѣйшей исторіи не подвигается впередъ, представляя изъ себя въ большинствѣ случаевъ одно переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Смѣло берусь доказать, что и тѣ работы, которыя подвинули впередъ науку—не исключаю и этюдъ моихъ ученыхъ рецензентовъ—много выиграли бы, еслибъ въ нихъ разбору именъ отведено было болѣе видное мѣсто. Я могу только настоятельно совѣтовать всякому, отваживающемуся отправиться въ дебри древнѣйшей исторіи Эллады и Рима, во время записки столь важнымъ орудіемъ, какъ то, о которомъ я говорю.

¹⁾ Недалеко отъ Фарсала, слѣдс. ательно не во Фтіотидѣ, а въ Фессаліотидѣ, лежалъ городокъ Θετιδαιον. Онъ могъ бы служить свидѣтельствомъ о мѣстности культъ, если и не самого Ахилла, то по крайней мѣрѣ его матеря, еслибъ предположить, по примѣру Бурзана (*Geographie v. Griechenland I* стр. 75), неоспоримымъ фактомъ, что селеніе это образовалось изъ святилища Θετιδы. Древніе авторы изощряются въ разныхъ легендахъ, имѣющихъ цѣлью связать имя Θετιδαιον съ Θετידою. Или Пилей поселился съ Θετидою въ Фарсалаѣ (Ферикидъ fr. 16)

страпа не может считаться достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о поклоненіи ессалійцевъ Ахиллу. Выходить такимъ образомъ, что помѣщеніе царства Эакидовъ во Фтіотидѣ, по всей вѣроятности, было дѣломъ поэтической локализации. Неувѣренность поэтовъ въ томъ, куда помѣстить мирмидонское царство видна между прочимъ и изъ того, что по другому преданію оно находилось на островѣ Эгинѣ. Сливая потомъ оба преданія въ одно, разказывали, что Пилей съ мирмидонами бѣжалъ изъ Эгины въ Фтіотиду. Что могло побудить поэтовъ, отвести Эакидамъ именно Фтіотиду, объ этомъ догадаться довольно трудно. Мы полагаемъ, что это случилось по одинаковой причинѣ, по которой и Критъ сдѣлался царствомъ Миноса, то-есть вслѣдствіе перехода именъ Φθίη и Ἑλλάς изъ нарицательныхъ въ собственные и приуроченія первой къ Оссалійской Фтіотидѣ. Постараемся привести нѣсколько доводовъ, какъ намъ кажется, говорящихъ въ пользу такого рѣшенія, надѣясь, что при этомъ прольется отчасти свѣтъ и на основное значеніе Элады.

Мы выше замѣтили, что, за исключеніемъ собственно только одного мѣста (II 595), у Гомера Элада постоянно упоминается въ связи со Фтіею. Повтореніе словъ ἀν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε производитъ впечатлѣніе твердо установившейся формулы. Сочетаніе Элады со Фтіею живо напоминаетъ подобное же соединеніе ея въ одну формулу съ Аргосомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Одиссеи.оборотъ καὶ Ἑλλάδα καὶ μέσσην Ἄργος повторяется въ четырехъ стихахъ Одиссеи, изъ которыхъ два (δ 726, 816) обыкновенно выкидываются издателiami. Остается стихъ α 344, гдѣ Пенелопа, восхваляя своего мужа, называетъ его мужемъ, который „славою своей преисполнилъ Эладу и посреди лежащій Аргосъ“, τοῦ κλέος εὐρὸν καὶ Ἑλλάδα καὶ

или богиня была тамъ въ то время, когда лечилась отъ раны, полученной отъ Ифеста (Филархъ fr, 82), или же Ахиллъ наименовалъ городокъ въ честь матери (Стравонъ IX стр. 481). Никто изъ нихъ не указываетъ на существованіе въ городѣ святилища Фетиды (Φετίδαϊον), которое всего проще объяснано бы имя его. Вопросъ, имѣлось ли тамъ святилище Фетиды, поэтому остается открытымъ, хотя молчаніе авторовъ можно считать скорѣе отрицательнымъ показаніемъ. Если упомянутый у Стефана Византійскаго ессалійскій городъ Φετίδαϊον, который по его свидѣтельству у Эланика назывался Φεστίδαϊον, совпадаетъ съ фарсальскимъ Φετίδαϊον, то имя его, вѣроятно, не имѣло никакого отношенія къ имени богини. Формы Φεστίδαϊον и Φεσ(τ)ίδαϊον объяснились бы подобной ассимиляціею, какъ и ἐστία ἴστω ἐττασων Ἄφρατος; и т. п. вмѣсто ἐστίαν ἴστω ἐττασων Ἄφρατος (см. Г. Мейера Griech. Grammatik § 269). Φεστίδαϊον сближается съ Φεστιάς въ Этоліи. а вѣроятно также съ Φεστιά въ Віотіи и Φεστιά въ Θεσσαλίи.

μῆσος Ἄργος. Въ другой связи оборотъ повторенъ о 80. Тилемахъ торопится домой и просить Менелая отпустить его. Царь отвѣчаетъ, что задержать гостя было бы нескромно, и просить подождать только немного, чтобъ онъ успѣлъ въ колесницу Тилемаха уложить подарки и гостей, ѣдущихъ въ дальнюю землю (ἐπ' ἀκείρονα γαῖαν), угостить сытнымъ завтракомъ. Если же Тилемахъ еще пожелаетъ прогуляться по Элладѣ и посреди лежащему Аргосу, онъ согласенъ быть его проводникомъ по городамъ людей. Никто тогда не откажетъ имъ въ угощеніи и въ подаркахъ. При объясненіи этихъ двухъ мѣстъ до сихъ поръ безъ исключенія отправлялись отъ обычнаго пониманія словъ Ἑλλάς и Ἄργος какъ именъ собственныхъ въ позднѣйшемъ значеніи. Такое толкованіе однако встрѣчаетъ большія затрудненія. Ни въ одномъ мѣстѣ у Гомера Эллада не равняется Греціи. Единственная Эллада, извѣстная ему — оессалийская, но о ней здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи. Пинелопѣ не къ чему бы гордиться, что славою Одиссея преисполнена именно часть южной Оессалии. Со стороны же Менелая было бы пристрашно торопящемуся домой въ долгій путь гостю предложить прогулку вдвое дальше, до границъ Оессалии. Не менѣе трудно объясненіе „въ срединѣ лежащаго Аргоса“. Кто въ немъ видитъ извѣстный пелопоннискій городъ или область Арголиду, тому и надложитъ объяснить во всякомъ случаѣ странное прозвище μῆσος. Обыкновенно полагаютъ, что Аргосъ величается среднимъ потому, что онъ во времена оны былъ политическимъ центромъ всей Греціи, при чемъ въ видѣ доказательства ссылаются на то, что у Гомера подъ Аргосомъ и аргосцами часто понимается вся Греція и всѣ греки. Но послѣдній фактъ, самъ по себѣ очень загадочный, можетъ быть объясняемъ и иначе, не только мнимымъ преобладаніемъ Аргоса. Гипотеза, что греки названы аргосцами а rotlogē, — въ родѣ того, какъ у французовъ часто всѣ германцы именуются пруссаками, — сама по себѣ, очень невѣроятна. Она не находитъ себѣ ни одной аналогіи на протяженіи всей греческой исторіи, а кромѣ того свидѣтельство одного поэтическаго преданія не можетъ считаться особенно прочной опорой. Очень можетъ быть, что поэтическое распространеніе имени Аргоса на всю европейскую Грецію ничто иное, какъ полуученый выводъ поэтовъ, извлеченный изъ термина Ἀργεῖος, которымъ искони обозначались участники похода на Трою. Благодаря распространенію этого участія на всѣ племена Греціи, Ἀργεῖος, аргосцами сдѣлались и всѣ греки, а согласно съ этимъ вся Греція — Аргосомъ. Понимать μῆσος Ἄργος въ смыслѣ

пелопоннесскаго Аргоса, составлявшаго центръ Эллады, невозможно и потому, что это опять принуждало бы насъ, вопреки результатамъ критики, въ Элладѣ признать Грецію. Другая возможность та, что μέσον Ἄργοςъ вся Греція. Тогда подъ Элладою необходимо было бы понимать какую-то страну внѣ предѣловъ Греціи, населенную однако греками, какова наприимѣръ, Малая Азія. Но и это объясненіе, подходящее къ словамъ Пинелопы, почти невозможно по отношенію къ словамъ Менелая. Немыслимо же, чтобы Менелай заторопившагося домою гостя могъ пригласить прогуляться съ нимъ не только по всей Греціи, но даже и по сосѣднимъ частямъ міра. Очевидно, Эллада и Аргосъ Менелая Тилемаху приблизительно по пути. Предложеніе Менелая, судя по связи разказа, одно изъ выраженій вѣжливости, принятыхъ въ отношеніи къ отѣзжающимъ гостямъ. Самъ царь своего гостя угостилъ и одарилъ, нужно чтобы и обыватели Аргоса и Эллады его угостили и одарили. При чемъ однако, спрашивается, тутъ сопровожденіе царя? Еслибъ Менелай рассчитывалъ для Тилемаха на простое гостепріимство, то Тилемахъ могъ бы гостить въ городахъ и безъ него. Безъ сомнѣнія, присутствіе царя должно было поощрить щедрость обывателей. Но въ чужихъ царствахъ Менелай оказался бы такимъ же частнымъ лицомъ, какъ и Тилемахъ. Другое дѣло въ царствѣ Менелая. Въ міккѣ Гомера всѣ подданные обязаны своимъ царямъ какъ платить правильные налоги, такъ и, въ видѣ вольной повинности, приносить дары. Цари для собиранія этихъ даровъ объѣзжали свои царства. Когда они ѣздили въ сопровожденіи какого-нибудь царскаго гостя, подданные, вѣроятно, не смѣли отказываться подносить дары также и гостю. Если, хотя только на минуту, забыть о всѣхъ Элладахъ и Аргосахъ, то, казалось бы, предлагаемый Менелаемъ объѣздъ, объяснился бы самымъ простымъ и непринужденнымъ образомъ такъ, что объѣздъ этотъ относится къ собственному государству спартанскаго царя. Такъ какъ Спарта не Аргосъ или Эллада, мы считаемъ единственнымъ средствомъ спасенія изъ всей этой путаницы—слова ἔλλαδα; и ἄργοςъ понимать не въ смыслѣ именъ собственныхъ. Мы полагаемъ, что въ поговоркѣ καθ' ἔλλαδα καὶ μέσον ἄργοςъ еще переживало первоначальное значеніе словъ какъ именъ нарицательныхъ. Какъ поговорка эти слова могутъ быть поняты и въ устахъ Пинелопы. Слова Менелая могутъ быть поняты въ общемъ смыслѣ, по всѣмъ частямъ страны, „государства“, а такой-же смыслъ приблизительно подойдетъ и къ словамъ Пинелопы: слава Одиссея распространена по всей странѣ, по всему міру. Обобщеніе это въ нѣкоторомъ родѣ напоминаетъ со-

временныя выраженія, какъ на примѣръ, „по селамъ, городамъ“ въ смыслѣ „по всему міру, вездѣ, повсюду“. Какъ изъ селъ и городовъ состоитъ вся страна, а наконецъ и весь міръ, такъ же терминами ἄργος и ἑλλάς, вѣроятно, исчерпывалась понятіе древне-греческой страны. Эпитетъ μέσων при этомъ показываетъ, что подъ ἄργος понимали средину, центръ страны или государства, а подъ ἑλλάς, слѣдовательно, окружающую землю, окранны. Припомнимъ, что имя Ἑλλήνας, какъ мы видѣли, дѣйствительно появилось ранѣе на окраинахъ греческаго міра, чѣмъ въ центрѣ. То, что замѣчается на всемъ пространствѣ, населеномъ греками, повторялось, по нашему предположенію, и въ отдѣльных государствахъ Греціи, именно дѣленіе страны на ἑλλάς, вокругъ лежащую, и ἄργος, въ срединѣ. Въ номенклатурѣ греческихъ областей и ихъ политическихъ учреждений сохранились еще нѣкоторыя слѣды старинной терминологіи. Въ сѣверо-восточномъ Пелопоннيسѣ было государство, состоявшее изъ владѣній господствующей общины Ἄργος и окружающихъ (παρίοικοι) подвластныхъ союзныхъ городовъ. Но и въ сѣверо-западномъ углу Греціи находилась область ἡ Ἀμφιλοχία, то-есть, „вокругъ лежащая“, центромъ которой былъ городъ Аргосъ, въ отличіе отъ другихъ названный Ἄργος Ἀμφιλοχικόν.

Типъ государственнаго устройства пелопоннискаго Аргоса повторялся и въ другихъ государствахъ, на примѣръ, въ Тессалии. Спартѣ и Элидѣ. Въ двухъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ должность судьи эллиновъ (ἑλλανοδίκας). Кто эти эллины, споры которыхъ они разбирали, намъ неизвѣстно, но едва-ли власть того или другаго судьи въ старину простиралась за границы своего государства. Вѣроятно, эти Ἑλλήνας принадлежали къ населенію какъ спартакаго, такъ и элидскаго государства ¹⁾.

Спартанскій ἑλλανοδίκας времени Ксенофонта исполнялъ всѣ су-

¹⁾ Къ компетенціи элидскихъ эλλανοδικовъ кромѣ олимпійскихъ игръ принадлежали еще другія судебныя рѣшенія, см. Pauly Real-Encyclopädie III стр. 1120 и надпись I. G. A. 112, гдѣ на элланодикѣ возлагается изысканіе денежнаго штрафа. Впрочемъ, и то возможно, что участвовавшіе въ олимпійскихъ празднествахъ сосѣднія государства — Алфей служили общей между ними границей (Ил. Σ 711 сл.)—первоначально между собою составляли союзъ, въ родѣ дельфійской амфиктіоніи, цѣль которой заключалась въ заглаживаніи общими припадками. Оффиціальное названіе союзниковъ такъ же могло быть Ἑλλήνας, какъ и двѣнадцати государствъ дельфійской амфиктіоніи. Впослѣдствіи элейцы одни захватили въ свои руки союзное дѣло, администрацію игръ.

добрныя обязанности царей во время походовъ. Въ прежнія времена, когда сами цари судили, онъ, вѣроятно, служилъ помощникомъ ихъ, замѣняя ихъ въ известной части правосудія, а именно въ дѣлахъ эллиновъ, определенной части жителей государства. Старое, болѣе узкое значеніе термина "Ἕλληνες" всего лучше видно изъ того факта, что совѣтъ дельфійскихъ амфиктіоновъ издревле послалъ название τὸ συνέδριον τῶν Ἑλλήνων. Этотъ союзъ всеэллинское значеніе получилъ только въ позднія времена. Образовался онъ изъ маленькихъ народцевъ, жившихъ вокругъ дельфійскаго святилища, составлявшихъ конечно только незначительную частицу всего греческаго народа. Это соображеніе должно было вызывать естественный вопросъ, почему амфиктіоны спеціально могли себя называть эллинами. По примѣру другихъ ученыхъ, Гольмъ (Griech. Gesch. I стр. 270 сл.) объясняетъ это тѣмъ, что къ союзу принадлежали жители фтіотійской Эллады, упомянутой въ Иліадѣ. При этомъ онъ предполагаетъ, что дельфійскій союзъ служилъ первымъ очагомъ распространенія имени эллины на всю Грецію. Согласиться съ объясненіемъ Гольма и его предшественниковъ мы считаемъ невозможнымъ. Союзъ амфиктіоновъ всегда держался полного равенства всѣхъ участниковъ. Чѣмъ же объяснить перевѣсъ одного изъ нихъ, ессалійскихъ эллиновъ, дошедшій будто-бы даже до того, что и всѣ другіе участники почувствовали потребность именовать себя эллинами? Двойное наименованіе τὸ συνέδριον τῶν Ἑλλήνων и τῶν Ἀμφικτιόνωνъ объясняется, думаемъ, просто тѣмъ, что слово "Ἕλληνες" относительно значенія своего прежде не отличалось отъ понятій ἀμφικτιόνας и περίοικοι. Достоинно вниманія, что и Селлы (Σελλοί или Ἑλλοί) въ классическомъ о нихъ показаніи Гомера (II 233 ἀμφὶ δὲ Σελλοί σοι ναῖον) прямо названы людьми, обитающими вокругъ додонскаго святилища. О возможности другаго объясненія имени Додоны, "Ἐλλα (оттуда Ἑλλοί?) или Ἑλλοπίη, мы будемъ говорить ниже.

Повторимъ вкратцѣ наши положенія. Слово Ἑλλάς, по нашему мнѣнію, обозначало страну, окружающую известную средину. Подъ такое общее понятіе мы подводимъ: 1) отмѣченный нами фактъ, что Элладою спеціально назывались Италия, а вѣроятно также и Сицилія и мало-азіатское побережье, однимъ словомъ важнѣйшія изъ окружающихъ Грецію странъ, заселенныхъ греками; 2) эллинами назывались жители государствъ, окружающихъ дельфійское святилище, такъ называемые „вокругъ живущіе“ (ἀμφικτιόνας); 3) Въ Спартѣ и Элидѣ называлась эллинами известная часть населенія, можетъ быть зависн-

мые союзники (περίοικοι), споры которых разбирались отдѣльнымъ судьей (ἐλλανοδικας); 4) поговорка καὶ ἑλλάδα καὶ μέσον ἄργος выражала совокупность страны, дѣлившейся на двѣ составныя части, среднюю часть страны (μέσον ἄργος) и окружающую ее окраину (ἐλλάς). Остатки этой типичной номенклатуры мы усматриваемъ въ Аргосѣ, центрѣ такъ пазываемой Ἀμφιλοχία, то-есть, страны вокругъ лежащей, и въ пелопоннесскомъ Аргосѣ. Послѣдній Ἄργος, какъ извѣстно, составлялъ прямое владѣніе господствующей общины, въ противоположность къ союзнымъ городамъ. Точно также и центры другихъ государствъ, напримѣръ, Θεσσαλίи, Элиды, Спарты, образовались изъ удѣловъ господствующихъ общинъ, вокругъ которыхъ лежали города періиковъ. Изъ этой особенности, думаемъ, объясняется и терминъ ἄργος. Мы сближаемъ его съ санскритскимъ глаголомъ аг् *приобрѣтать, добывать, наживать*. Не даромъ родоначальниками и первыми царями аргосцевъ считались Φορωνεύς (пользующийся доходами или сборами, отъ φορά, или φόρος, и ὀνίνητι) и супруга его Κερδία (приобрѣтающая, наживающая). Древнее, коренное значеніе словъ Ἄργος и Ἀργεῖοι отражалось еще въ поговоркѣ Ἀργεῖοι φῆρας, которая, вѣроятно, совершенно несправедливо отнесена была къ аргосцамъ и послужила даже поводомъ къ глумленію комическихъ поэтовъ надъ страстью аргосцевъ къ присвоенію чужаго добра, Τὸ ἄργος такимъ образомъ значило „приобрѣтеніе, собственность, собственная земля“, въ противоположность къ Элладѣ, находящейся лишь въ зависимости, а не въ полной собственности. Въ другомъ до-рійскомъ государствѣ центральный удѣлъ (μέσον ἄργος) звали просто *срединою* (Μεσοάνα). За то имя Ἦλις, *Фѣлиς* (отъ осн. *φαλ*—см. ἐάλων, ἀλιόχομαι, Исихій: ἡγλιώμενοι κατεχόμενοι) опять вполнѣ совпадаетъ съ ἄργος. Относительно слова Σπάρτα наконецъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія значеніе скр. глагола srag, прич. пр. sragta „тянуть“, „спасать“, но и „добывать, овладѣвать“.

Возвращаемся къ царству Ахилла. Со странною, объѣзжаемой Менелаемъ съ цѣлью собиранія новинныхъ даровъ, оно имѣетъ ту общую черту, что въ немъ, какъ и въ той странѣ, есть не только Эллада, но и Аргосъ. Описаніе царства Ахилла въ каталогѣ кораблей (В 681) начинается словами Νῦν αὖ τοὺς ἕσσι τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἕναιον. Въ историческое время на картѣ Греціи ни Аргосъ этотъ, ни Эллада не оказывались. Поэтому даже неизвѣстно было, нужно ли подъ ними разумѣть города или области (см. Страв. IX, 431, 432). Относительно Эллады уже слова δι' Ἑλλάδος εὐρυόροιο (I 478) не оставляютъ никакого

сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ области. Отъ города Аргоса въ Фессалии никакого слѣда не осталось, но и области такой не было. Поэтому нѣкоторые комментаторы прибѣгали къ тому же выводу, какъ и мы, признавая слово "Αργος именемъ нарицательнымъ и придавая ему, по догадкѣ, значеніе „равнины“ (πεδῖον) (см. Страв. IX, 5, 6 р. 431). На чемъ эта этимологическая конъектура основана, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ намъ не позбраняется замѣнить ее другой, если найдется лучшая. Мы привели нѣсколько доводовъ, говорящихъ въ пользу того, что значеніе слова ἄργος было „приобрѣтеніе, собственность, владѣніе собственное“, въ отличіе отъ зависимой, хотя автономной области периковъ. На этомъ объясненіи мы остановимся, тѣмъ болѣе что есть полная возможность подвести подъ то же понятіе и слово Φθίη, одипаково противоположное слову Ἑλλάς, какъ и Ἄργος. Извѣстный лингвистъ Коллицъ въ двухъ статьяхъ (American Journal of Philology VIII стр. 214 сл., и Die drei indischen Wurzeln kshī und ihre Verwandten im Griechischen: Bezz. Beitr. 18 стр. 201 сл.) подвергаетъ подробному разбору вопросъ, какія греческія слова соотвѣтствуютъ тремъ созвучнымъ санскритскимъ глаг. основамъ ksh, означающимъ 1) обитать, 2) владѣть, 3) уничтожать. Къ первой онъ относитъ κτίω κτίσις ἀμφι-κτίωνες и пр., къ третьему φθίνω φθίσις и пр., ко второму же kshī владѣть, властвовать, имѣть власть надъ чѣмъ-нибудь, онъ ставитъ ἰ-φθι-μος властный (ср. ἰ-χθύς ἰ-κτινος ἰ-κτις). Наше слово Φθίη не можетъ быть произведено отъ 1. kshī (обитать) по фонетическимъ причинамъ, о которыхъ см. Коллица (стр. 205 статья въ Beitr.). Производить бы его отъ φθίνω и пр. (3 kshī) значило бы отказываться отъ всякаго удовлетворительнаго смысла. Сближеніе же съ ἰ-φθι-μος (2. kshī владѣть) вполне умѣстно какъ со стороны фонетики, такъ и значенія. Оба термина ἄργος, область находящаяся въ собственности царя или общины, и Φθίη, область находящаяся подъ властью, во владѣніи ихъ, почти равнозначущіе. Противоположно тому и другому понятіе Ἑλλάς, вокругъ лежащая окраина, зависимая, но автономная. Дѣйствительно, изъ разказа Финника (I 447 сл.) явствуетъ, что въ Элладѣ Ахилла управляли отдѣльные цари, зависимые отъ верховнаго правителя, царя Фтіи. При параллельности двухъ выраженій ἄργος и Φθίη мы полагаемъ, что и пресловутое Πελασγικὸν Ἄργος, иисящее, такъ-сказать, между небомъ и землею, вѣроятно, ничто иное, какъ другое названіе Фтіи. Какъ общему названію, ему и отведено первое мѣсто, во главѣ всего перечня областей и городовъ Ахилла. Составитель каталога, который, безъ сомнѣнія,

пользовался разными поэтическими источниками, въ одномъ, можетъ быть, нашелъ одно имя царства Ахилла τὸ Πελασγικὸν Ἄργος, въ другомъ другое, Фтію, и не понявъ тождества ихъ, прицѣпилъ одно къ другому. Почему это Ἄργος названо пелазгическимъ, такой же темный вопросъ, какъ наименованіе додонскаго Зевса пелазгическимъ. Ни то, ни другое, конечно, не можетъ имѣть никакого отношенія къ Пелазгіотидѣ, средней части Оессалии. Эта область далеко отстояла отъ владѣній Ахилла, а кромѣ того, она въ каталогѣ по частямъ отведена другимъ царямъ. Вопросъ о пелазгахъ, какъ извѣстно, до того запутанъ, уже со времени Геродота, что мало надежды когда нибудь доискаться до полной истины. Всѣ авторы, однако, согласны въ одномъ, что оессалийская Πελασγικὴ названа потому, что когда-то населена была пелазгами. Такое же простое объясненіе, можетъ быть, подойдет и къ пелазгическому Ἄργος. () коренномъ значеніи пелазговъ, или скорѣе объ одномъ изъ значеній этого неоднозначаго слова, есть одно драгоцѣнное показаніе у Стефана Византійскаго (s. v. Χῆος), по всей вѣроятности заимствованное у Аполлодора. Въ немъ показано, что Πελασγοί одно изъ областныхъ названій крѣпостныхъ поселеній, въ родѣ εἰλωταί, κενέσταί, κλαρωταί и др. Такими крѣпостными или „работниками“ (κενέσταί) въ самомъ дѣлѣ заселена была вся Пелазгіотида, за исключеніемъ городовъ, въ которыхъ жили влестелины-оессалийцы. Подобные порядки, какъ извѣстно, были и въ удѣльныхъ областяхъ дорій, въ Спартѣ, Аргосѣ, также иногда называемомъ пелазгическимъ, и др. Царство Ахилла, какъ видно, совершенно уподоблено типу оессалийскихъ государствъ, устроенныхъ на началахъ завоеванія. Трѣмъ раздѣленіямъ населенія (господа, періики, крѣпостные) соотвѣтствуютъ мирмидоны, эллины и пелазги. Существовало ли когда-нибудь такое мирмидонское царство, это очень сомнительно. Фтія Ахилла, очевидно, приспособлена къ Фтіотидѣ, поэтому въ ней и живутъ ахейцы (B 684), позднѣйшіе историческіе обитатели всей Фтіотиды. Тѣмъ не менѣе она, явно, не совпадаетъ съ Фтіотидою, составляя только часть ея. Въ одномъ мѣстѣ Иліады (N 685 сл.) неожиданно подъ именемъ Φθίαι, раумѣются подданные не Ахилла, а Протесилая, царя Филакіи, города Фтіотиды. Весь этотъ эпизодъ, по всѣмъ признакамъ, одна изъ аонскихъ интерполяцій. Такое расширеніе Фтіи уже явная уступка дѣйствительной географіи, второй рѣшительный шагъ къ полному приуроченію Фтіи къ Фтіотидѣ. Первымъ шагомъ было помѣщеніе по созвучію неопредѣленнаго „владѣнія“ (φθίη) Ахилла въ ахейской Фтіотидѣ. Эллада, служивъ

как будто дополненіемъ Фтіи, вѣроятно раздѣлила судьбу послѣдней и вѣсть съ нею приурочена была къ ѳессалійской Фтіотидѣ. Рѣшаясь на такое предположеніе, мы, конечно, при скудости нашихъ свѣдѣній о донсторической географіи, не желаемъ рѣшительно отрицать возможности существованія въ тѣ времена такой области въ соседствѣ или внутри границъ Фтіотиды. Была ли или не была такая Эллада, отъ этого не много зависитъ для основнаго вопроса, что собственно понимали подъ терминомъ Эллада.

Пришедши къ заключенію, что въ болѣе тѣсномъ смыслѣ 'Ελλάς приближалась къ понятію „вокругъ лежащая страна, окраина“, мы обязаны проверить это объясненіе данными лингвистики. Этимологія словъ 'Ελλάς и Ἑλλήνες уже не разъ возбуждала интересъ ученыхъ филологовъ. Изъ литературы послѣднихъ десятилѣтій до нашего свѣдѣнія дошли три попытки этимологическаго производства. Бергкъ 'Ελλάς уподобилъ законскому областному выраженію ἑλλά, *сидниче, sella*. Ἑλλήνες онъ перевелъ die Sesshaften (осѣдлые). Вторую этимологію предложилъ Г. Курциусъ, сблизивъ Ἑλλήνες съ корнемъ svel *гореть, свѣтитъ*, откуда производятся и ἑλας, *селѣνη, ἑλάνη* (факель). Въ результатѣ получилось бы довольно хвастливое названіе грековъ „свѣтлѣйшими“, *illustres*. Новѣйшимъ, совершенно оригинальнымъ объясненіемъ мы обязаны Вилламовицу-Меллендорфу (Euripides Herakles I стр. 258 сл.). Увлечшись, кажется, сходствомъ именъ Ἑλλοί 'Ελλοί 'Ελλοκίη со словами ἑλλός ἑλλοφ, *нѣмой* (ер. *σελλίζειν ψελλίζειν, заикаться*), онъ призналъ возможнымъ отсюда выводить и имя Ἑλλήνες. Сѣверныя племена, между ними и доряне, нападавшія на среднюю и южную Грецію, старыхъ жителей, предковъ эолийцевъ и іонянъ, называли Ἑλλήνες, заиками, нѣмыми, вслѣдствіи затрудненія для послѣднихъ правильно выражаться на нарѣчій вновь пришедшаго племени. Авторъ самъ къ своей догадкѣ прибавилъ слѣдующую оговорку: „странно, конечно, что эллины сами именовали себя такимъ словомъ, равняющимся по смыслу слову βάρβαρος (заика) и *нѣмецъ*, какъ славяне зовутъ своихъ германскихъ соседей“. Едва ли нужно что-нибудь прибавить къ этой собственной deductio ad absurdum. Остроумному автору въ голову не пришло проверить свою мысль историческою дѣйствительностью. На самомъ дѣлѣ греки, несмотря на всѣ различія нарѣчій, всегда прекрасно понимали другъ друга. Спартанскіе послы въ Афинахъ или афинскіе въ Спартѣ безъ всякаго стѣсненія говорили на своемъ родномъ нарѣчій, не думая лепетать на чужомъ. Въ древнія времена, когда нарѣчія еще гораздо менѣе разошлись, о не-

понятности их и подавно не может быть рѣчи. Мысль Виламовица, что одно греческое племя другому могло показаться иѣмымъ или напоминать ему съ трудомъ лепечущихъ по гречески иностранцевъ. поэтому намъ кажется, дѣйствительно, необыкновенно „странною“, и каждый, навѣрное съ удовольствіемъ отклонить даже возможность, чтобы самому краснорѣчивому народу древняго міра вдругъ выпало такое крайне неподходящее названіе. Неопытность въ этимологическихъ вопросахъ, — впрочемъ, совѣмъ не рѣдка у представителей классической филологіи, при томъ часто соединенная съ принципиальнымъ пренебреженіемъ къ современной лингвистикѣ и выработанной ею методикѣ — заставила Виламовица удовлетвориться первой попавшейся фонетической возможностью, забывая при этомъ, что для удачной этимологіи требуется не только соблюденіе фонетическихъ законовъ, но и здраваго смысла. Двойная форма Ἑλλοῖ Ἑλλοῖ и прозвища Зевса и Аѣины въ Спартѣ Ἑλλάνιος и Ἑλλάνία (если только вѣрно это чтеніе, а не Σολλάνιος и Σολλάνία) не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что и въ словахъ Ἑλλάς и Ἑλληνες густое придыханіе произошло изъ сигмы. Но и начальная сигма опять часто является результатомъ различныхъ фонетическихъ измѣненій, она могла произойти изъ σ σf σj τj θj χj или же еще болѣе сложныхъ фонетическихъ процессовъ, примѣромъ которыхъ можетъ служить приведенная Виламовицемъ группа $\psi\epsilon\lambda\lambda\acute{o}\varsigma$ $\sigma\epsilon\lambda\lambda\acute{i}\zeta\omega$ $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\acute{o}\varsigma$. Всѣ подобныя примѣры измѣненія начальной группы звуковъ, состоящей изъ небнаго или гортаннаго звука на первомъ мѣстѣ и шипящаго на второмъ, обстоятельно изучены Кречмеромъ въ Zeitschrift für vergl. Sprachforschung т. 31 стр. 412 сл. Автору удалось установить три правильные перехода, при чемъ правило не ограничивается однимъ греческимъ языкомъ, но относится и къ другимъ индоевропейскимъ. Первая, сильная степень — ksh гр. ξ φ χθ φ^h χт κ: сохранилась только въ греческомъ, санскритскомъ и древнеиранскомъ языкахъ; въ остальныхъ порядокъ буквъ подвергался перестановкѣ sk sp. Вторая степень — простое s; третья встрѣчается только въ греческомъ языкѣ: начальная сигма подвергалась обыкновенному переходу въ h (густое придыханіе). Примѣрами подобнаго чередованія начальныхъ звуковъ могутъ служить:

I ξόν	II σόν	III δν (см. ὄ-λογος, кипр. ὄ' τόχα. ὄγ-γαμοί)
I ξύλον ξύλινος	II σύλος σύλινος (въ аттич. надп.)	III ὕλη

I ξυρός	II герм. sūr, лит. sugas	
I ξέω ξόανον	II σοάνη	
I скр. kshīvati	II σίαλος	
I ψάμαθος	II герм. sant (изъ sam dho)	III ἄμαθος ἄμαθος
I ψᾶφος	II sabulum	
I ψίνεσθαι	II σινάς	III ἰνώμενος
I ψέγω	II ἄ-σεκτος	
I ψαύω		III αὔω
I ψώγω	II κατασώγω	
I φθίνω kshī	II situs	
I ἄρκτος rkshas	II ursus	

Итакъ, если формы *Σελλός*, *Σελλάνιος* съ одной стороны, а *Ἑλλός*, *Ἑλλην* и т. д. съ другой, представляли бы собою вторую и третью степень подобнаго же пониженія, то въ началѣ сильной степени основы всего скорѣе можно бы ожидать греч. ξ или ψ или же въ другихъ европейскихъ языкахъ sk- sp-. Подобная перестановка впрочемъ бывала и въ греческомъ языкѣ (см. ξίφος σκίφος — ξένος σκένος — ψαίρω σπαίρω — ψαλίς скаліс и т. п.). Почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ встрѣчается общая основа sqel со значеніемъ расщелять, раскалывать, раздроблять, раздѣлять, разлучать, различать (см. лат. qui-squilliae, др. сѣв. skilja раздѣлять, разлучать, skill разсудокъ, англ. skill skilful, лит. skeliū skelti раскалывать расщелять, skylė щель, дыра, слав. щель, осколокъ, скала, скалить), Изъ греческихъ словъ сюда относятся σκάλλω (осп. σκαλ-, какъ βάλλω πάλλω изъ βελ- παλ-), σκόλλω, κοσκολμάτιον. Объясняемое выше правило позволяеть отнести къ той же основѣ и слова σέλμα доска, сидѣнье гребцовъ, σελισῶν σανίδων, ἔλματα... σανιδώματα (Исихій), ср. др. слав. слѣмъ=бревно, др. сакс. selmo кронать. Дальше, приведемъ σέλμα σελίс разстояние между бревнами корабля, σελίс промежутокъ между столбцами или параграфами книги (Исихій σελίс πτυχίον, καταβατὸν βιβλίου, σελίδες τὰ μεταξὺ διαγράμματα τῶν διαστημάτων τῆς νεῶς, καθάπερ καὶ ἐν τοῖς βιβλίοις τὰ μεταξὺ τῶν παραγράφων). Изъ этой же основы легко производится σέλινον τὸ γυναικίον, а можетъ быть также еще σέλινον, петрушка; растение это обязано своимъ названіемъ раздробляющимся зубчатымъ листикамъ. Наконецъ, не сомнѣваемся, что темное ἔτομον слова ξύλον сύλον ὄλη и silva содержится въ нашей основѣ также, какъ и дерево дрова ὄρος и т. д. производится отъ deg- драть, раздирать. Кстати будетъ указать на легенду, записанную въ схолияхъ къ *Иліадѣ* II 284:

нѣкій 'Ελλός (прародитель эловъ), дровосѣкъ (δροτόμος), разъ попалъ въ лѣсъ, покрывавшій тогда мѣсто Додоны. Дикая голубка (πέλαια), сидѣвшая на деревѣ ему велѣла построить на томъ мѣстѣ святилище. Жрицы-пророчицы додонскія почему-то назывались πέλαια. Созвучіе слова πέλαια (дикій голубъ) вызвало легенду, что первая жрица прилетѣла въ Додону въ образѣ голубки. Очень возможно, что и вторая черта легенды, что первый пророкъ ('Ελλός) былъ дровосѣкомъ, объясняется подобнымъ двусмысліемъ слова ἄλλος αλλός. Архилохъ воспѣвалъ какихъ-то Σελληιάδαι, родъ жрецовъ-пророковъ, потомковъ пророка Σελλεύς (Ис. п. сл. Σελληιάδης). Сходство имени этихъ пророковъ съ додонскими пророками Σελλοί едва-ли случайно (испомнимъ еще знаменитаго пророка "Ελευος). Вѣроятно, прагреческій языкъ позволялъ такое же переносное примѣненіе основы ξελ-сел- къ умственной области, какое обнаруживается въ др. сѣв. и англ. skill умѣніе раздѣлять, различать, разсуждать, такъ что одно и то-же слово ἄλλος могло быть толкуемо какъ „раздробитель“ (дровъ) и какъ „разсудитель“ (скрытой истины).

Къ разбираемой нами семьѣ словъ, безъ сомнѣнія, принадлежало нѣсколько именъ географическихъ, особенно рѣкъ: Σελινοῦς (названіе семи рѣкъ въ разныхъ мѣстахъ греческаго міра), Σελλήεις (три рѣки) и Σέλλας, а можеть быть и 'Υλίαις "Υλλας. Эти рѣки носили свои имена потому, что теченіе ихъ раздѣлялось на рукава. Подтвердимъ это положеніе тремя примѣрами. О рѣкѣ Σέλλας мы читаемъ у Стефана Византійскаго п. сл. 'Απάμεια: „естъ и другая Анамея въ Мессоніи, окруженная рѣкою Πίγρης. Эта рѣка раздѣляется (σχίζεται) у самаго города. На правую руку вокругъ города течеть рѣка Σέλλας, на лѣвую Πίγρης, называемый тѣмъ же именемъ, какъ и главная рѣка“. Отдѣлившіяся рукавъ звали Σέλλας. Древній Σελινοῦς въ Ахей, нынѣшняя рѣка сел. Востницы (см. Лоллинга Handbuch d. klass. Alterth. III 167) еще теперь около восьми верстѣ выше устья раздѣляется на два рукава, которые отдѣльно впадаютъ въ море. Рѣка Σελλείας въ Элидѣ, позднѣе называемая Λάδων, раздѣлялась нѣсколькими островами, однимъ изъ которыхъ былъ Κοράκων νᾶσος (Павс. VIII, 25, 12). Если эти „раздѣльныя“ рѣки раздѣлялись, то другія раздѣляли, служили границею между двумя государствами. Такъ, изъ разказа Фукидида VII 35 выходитъ, что рѣка 'Υλίαις составляла границу между областями Кротона и Θυρίи.

Изъ имей рѣкъ въ грамматическомъ отношеніи особенно интересно Σελλήεις. Имена прилагательныя съ суффиксомъ — εις (Fent)

выражаютъ, что предметъ или лицо одѣлены, обладаютъ чѣмъ-нибудь. Прилагательныя съ окончаніемъ *ήεις* правильно производятся отъ существительныхъ женскаго рода, оканчивающихся на *η*, напримеръ *αἰγλήεις* (*αἰγλη*), *αὐδήεις* (*αὐδή*), *δινήεις* (*δίνη*), *ἔρσηεις* (*ἔρση*), *ἡχήεις* (*ἡχή*), *κνιστήεις* (*κνίσση*) и мн. др. (см. перечень въ Vergl. Gram. Л. Мейера II стр. 606). *Σελλήεις*, то-есть *ποταμός*, слѣдовательно, рѣка у которой есть *σέλλη* (раздѣленіе). Родительный падежъ этого древняго существительнаго сохранился въ *Ἑλλης πόντος*. Пролить, отдѣляющій другъ отъ друга два материка, справедливо звали „раздѣломъ“ (ср. *πορθ-μός* съ скр. *prth-ak* отдѣльно, *prthak* *kar* отдѣлять, раздѣлять, *prthak bhū* отдѣляться, и лат. *pars partior, portio*). *Ἑλλης πόντος* означало или „море раздѣла, пролива“ или „путь по проливу“. Мы приходимъ къ *Ἑλλην* и *Ἑλλάς*. Первое слово оканчивается на *αν ην*, по аналогіи съ другими именами народовъ *Αἰνιάν*, *Ἐκτήν*, *Κηφῆν* и т. п., отъ которыхъ однако отличается удареніемъ. *Ἑλλάς*, то-есть *γη*, имя прилагательное женскаго рода. Мы то и другое производимъ отъ *ἔλλη*, *σέλλη* „раздѣленіе, раздѣлъ“, полагая, что этому слову когда-то придавалось м. пр. и значеніе „граница“, такъ что, по нашей догадкѣ, коренное значеніе словъ *Ἑλλάς* и *Ἑλληνες* сводилось бы къ понятіямъ „пограничной страны“ и „пограничныхъ жителей“. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній мы нарочно указываемъ, что предполагаемое нами значеніе „граница“ основано на догадкѣ, а не на какомъ-нибудь преданіи. Наша догадка оправдывается стремленіемъ, общимъ всѣмъ домысламъ, именно стремленіемъ дополнить преданіе такими фактами, которые освѣтили бы затемненные пункты вопроса. Существованіе слова *σέλλη* *ἔλλη* мы считаемъ доказаннымъ, благодаря производному прилагательному *Σελλήεις* и род. пад. *Ἑλλης πόντος*. Наши читатели, надѣмся, согласятся, что придаваемое ему общее значеніе (раздѣлъ, раздѣленіе) поддерживается нѣкоторыми фактами. Допустивъ по догадкѣ, что у этого же слова, кромѣ общаго, только что указаннаго значенія, еще было болѣе специальное „граница“, мы этимъ объяснили бы многое. Стало бы яснымъ, во-первыхъ, отчего въ поговоркѣ *καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος* Элада противопоставлялась срединѣ, а во-вторыхъ, почему *Ἑλλάς* специально назывались окранныя греческаго міра, южная Италия, а вѣроятно и Сицилія и малоазіатское побережье. Чтобы однако показать, что наше предположеніе основано не на одной пригодности его для объясненія другихъ темныхъ фактовъ, прибавимъ еще слѣдующія указанія. Священный округъ Додоны, называемый и *Ἑλλοπίη*, и *Ἑλ(λ)α*, составлялъ границу между

двумя эпирскими государствами Молосси и Теспроти. Мѣстоположеніе это не случайное; мы замѣчаемъ и на границахъ другихъ греческихъ и италійскихъ общинъ подобныя святилища, служившія мѣстомъ для общихъ празднествъ и, такъ сказать, охранявшихъ святость и неприкосновенность границъ. Переводя "Ελλα „граница“, а 'Ελλοκίη γαίη „пограничная страна“, мы имѣемъ въ виду возможность того же объясненія и для такъ называемой 'Ελλοκίη μοίρη, части области города Истиеи. По показанію Страбона стр. 445 Эллопія была χωρίον ἐν τῇ 'Ωρεῖῃ χαλοομένη τῆς 'Ιστιαώτιδος, а дальше онъ уже прямо отождествляетъ ее съ димомъ 'Ωρεός, объясняя, что эллопійцы, прежніе обитатели дима, отъ горной мѣстности своей получили имя 'Ωρεῖται (отъ οὔρος ὄρος ὄρος гора). Но съ тѣмъ же правомъ 'Ωρεός можно производить отъ ὄρος οὔρος граница, на что указываетъ и имя дима 'Ωρωπός, лежавшаго на границѣ Аттики и Віотіи. Наконецъ, возвратимся къ рѣкѣ 'Υλίας ("Υλλας?). служившей границей Кротона и Оурій. Имя этой рѣки необходимо сравнить съ именемъ другой рѣки, "Υλλος, притока Эрмона. "Υλλος конечно не производится отъ ὄλη, хотя оба слова, можетъ быть, въ концѣ концовъ общаго происхожденія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не совсѣмъ выяснено первоначальное значеніе слова ὄλη. Никто не сомнѣвается въ тождественности его съ латинскимъ silva. Хотя ученые не пришли еще къ полному согласію относительно греко-италійской формы, но все-таки почти всѣми признается предложенная Л. Мейеромъ форма silva сулф-а. Гораздо труднѣе найдти этимологію. Г. Курциусъ ὄλη—silva сблизилъ съ основою svel- горѣть, полагая, что на лѣсъ смотрѣли какъ на дрова, топливо. Къ сожалѣнію, silva никогда не имѣло значенія „дрова“. Кромѣ того, и основа svel- въ греческихъ и латинскихъ отроствахъ значить не „горѣть“, а „сіять“. Наконецъ, ни изъ одной аналогіи не видно, чтобы идею лѣса соединяли съ понятіемъ топлива. На другую мысль можетъ навести насъ одна извѣстная аналогія. Общее нѣсколькимъ индоевропейскимъ языкамъ слово, обозначающее край, границу (лат. *marginis*, др. герм. *marka* граница, Zendск. древн. перс. *megezi* граница) въ древнесѣверномъ *mōrk* перешло въ значеніе „лѣсъ“. Переходъ значенія совершенно естественный; древніе обитатели Европы повсемѣстно устраивались въ рощахъ. Сплошной лѣсъ, окружавшій ихъ со всѣхъ сторонъ, былъ границею всѣхъ поселеній. Дремучіе лѣса составляли границы между народами. Близкая связь двухъ понятій у древнихъ италійцевъ особенно ясно рисуется въ народномъ культѣ Сильвана. Изображенія или

символы этого *tutor finium*, по выражению Горация, вездѣ служили обозначеніемъ сельскихъ границъ (см. Rudorff Die römischen Feldmesser I p. 302). Итакъ, можно поставить вопросъ, не произошло-ли понятіе лѣса (ἔλλα, *silva*) изъ первоначальнаго значенія „граница“. Предполагаемая форма *сѡλφα* отъ ἔλλα (*сѡλφα*?) произошла тѣмъ же путемъ, какъ наримѣръ, и *пѡλη* отъ *пѡλω*, *споріс* отъ *скаίρω* и т. п.

А. Эшманъ.

